

Там, где сердце.

Е. Плотников

12+

Евгений Плотников

Там, где сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42746512

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09993-7

Аннотация

«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19-21)
Честная, пронзительная, глубокая история о жизни и любви молодого человека-сироты и девушки-музыканта, чьи судьбы тесно переплелись после встречи в детском доме. Их история была полна радостных и непростых событий, эмоций, стихов и искренних писем, пока девушка не услышала страшный диагноз, поставивший под вопрос ее жизнь. Юноша находит единственно верный выход... Мы молимся за то, чтобы эта история повлияла на сердца читателей.

Содержание

Глава 1.	4
2. Глава	14
Глава 3.	18
4. Глава	25
Глава 5.	33
6. Глава	47
Глава 7.	67
8. Глава	79
Глава 9.	92
10. Глава	101
Глава 11.	114
12 Глава...	122

Евгений Плотников

Там, где сердце

Глава 1.

«Браво! Браво!» – Сильные хлопки зрителей раздались в маленьком помещении концертного зала.

Уставшая красивая девушка поклонилась шумному залу и заметила каплю пота, сбежавшую с ее щеки. Она улыбнулась, довольная, что выложились на все сто процентов. Публика в очередной раз восхищалась выступлением молодой исполнительницы. Когда она выпрямилась после очередного поклона, в ее глаза попал свет прожектора, и глаза засветились светом полярных звёзд. Окинув взглядом зал, в первых рядах она увидела лица родных: мамы, отца, сестры и брата. Эти близкие ей люди стали свидетелями ещё одного триумфа этой молодой леди, но пора было покидать сцену, чего ей так не хотелось, ведь это было так приятно. В такие вечера ее душа наполнялась и заряжалась светом. Музыка была ее главным занятием в жизни. Зал не переставал осыпать овациями молодую исполнительницу. Она понимала, что пора бы уже зайти за кулисы, но почему-то оставалась на сцене. Только тихие «спасибо» слетали с ее пересох-

ших губ. Посмотрев налево за кулисы, она заметила своего учителя по фортепиано Евгения Брониславовича. По выражению его лица она поняла, что он доволен своей воспитанницей. Окинув взглядом зал в последний раз, она вернулась за кулисы.

– Молодец, Элечка, – сказал учитель и приобнял за плечи.

– Спасибо большое, Евгений Брониславович.

– Ты моя звезда, Элина, мы добьёмся с тобой признания во всем мире.

– Я верю в это, учитель, – с улыбкой сказала Эля.

В коридоре, ведущем к выходу, ее ждала семья, а в зале еще гремели аплодисменты.

Немолодой учитель всё ещё стоял за кулисами и вспоминал родную Литву, свои гастроли и такие же бурные овации. Эля поспешила в объятия семьи.

– Молодчина, милая, мы гордимся тобой! Уверен, твой дед тоже! – сказал отец.

– Малышка, ты молодец, – сказала мама и обняла их обоих.

В стороне стоял Элин брат, он говорил по телефону. На выступление сестры он пришёл только потому, что отец обещал дать ему мотоцикл на вечер. Младшая сестра не любила людные места, но сегодня у нее было хорошее настроение и она решила сходить на концерт.

– Да, Эль, было круто, – сказала сестра.

– Спасибо, ребята, – послышался тонкий голосок отку-

да-то из объятий матери.

Мама так сильно обнимала Элю и мужа, что уже и отец стал нервничать из-за опасения за свою жизнь. Казалось, ничто на свете не сможет разорвать эти семейные объятия, кроме вопроса про деньги на поездку в Москву от неожиданно появившегося педагога Элины.

– Евгений Брониславович, рад вас видеть, с радостью обсужу с вами данный вопрос! – отец Эли был рад, как никогда, избавиться от объятий жены, даже ценой потраченных денег. В данный момент он был готов заплатить за свое спасение от сдавливающих объятий жены, а не за поездку дочери.

Элине повезло меньше – мама еще обнимала ее со всей своей любовью.

– Ой, мамочка! Пойдём домой, хотелось бы отдохнуть.

– Пойдем, деточка, пойдем.

Как только семья пошла к выходу, маму позвал учитель.

– Ольга Викторовна, можно вас на секунду?

– Конечно, Евгений Брониславович!

Пока родители обсуждали условия поездки дочери, дети пошли в машину...

– Дима! Ключи у тебя? – спросила Эмилия.

– Да. У меня, – не отрываясь от телефона, сказал брат.

– Ну что, ребята, вам понравилось, как я выступила?

– Конечно, Эль, ты молодец! – сказала Эми. – Но есть одно «но» – ты думаешь, твоя музыка понравится деду, когда в следующем году ты полетишь в Германию? Дедушку впе-

чатлить будет посложнее, чем этот сброд.

– Как грубо, Эми. Я знаю, что до уровня дедушки не то что мне – и всей России далеко, но я туда лечу не только из-за обучения музыке. Я туда лечу и как внучка, а тем более, я думаю, он всему меня научит, – беззаботно улыбнулась девочка.

Подойдя к машине, брат наконец оторвался от телефона и стал ощупывать карманы в поисках ключей.

– Стоп, народ! Похоже, я ключи-то у бати не брал.

– Я же спрашивала, у тебя ли ключи?! – с раздражением в голосе, чуть ли не крича на Диму, сказала Эми.

– Не ори, пожалуйста, Эми, вот уже родители идут, – тихо и спокойно произнесла Эля.

– Так! По местам все, по местам! – крикнул радостно отец, открыв машину. – Едем за тортом – семья Вебер сегодня празднует.

Машина тронулась в путь.

Такие радостные вечера считались праздничными, а праздники традиционно отмечали дома в полном составе. Происходило это аккуратно, с правильной раскладной всех действий по полочкам. Сначала без исключений все направлялись в супермаркет. Отец и сын сразу выдвигались в район мясных изделий, так как считалось, что мужской пол знает толк в мясе и с чем это мясо подать на стол, а мама и девочки закупали всё остальное. Как правило, никто им в корзину не заглядывал, и из супермаркета в квартиру приезжала не

только еда, но и предметы личной гигиены, бижутерия, книги, тряпки, посуда, сувениры разного характера и размера.

После того, как все предметы быта и еды были куплены, семья снова встречалась возле машины. Обычно отец и сын тратили ещё час или полтора в ожидании членов женской половины семейства, после чего их нелегкое праздничное путешествие продолжалось. Традиционно в такие дни отец ехал по окружной дороге, был еще и быстрый путь, но в праздники он позволял себе прокатиться чуть дольше. Это путешествие можно было назвать праздничным. Оно проходило мимо лесного массива, за которым в вечернее время начиналась сказка: лучи солнца срывались с крон деревьев, отражались от реки и как райский свет освещали дорогу, направляя проезжающих людей еще к более прекрасным местам. С левой стороны дороги находился луг. На закате животные часто ходили к реке погреться и испить воды, почему-то именно там было теплее всего, будто райский уголок для животных перед холодной ночью – крайняя остановка, так сказать, перед ночлегом. Скорее всего, из-за отражения солнца от реки создавалось теплое волшебство, непонятное для людей, а известное только Богу и благосклонное к животным. Дальше после моста через реку, направо от луга, начинался лесной рай. В машине царила тишина – все семейство любовалась матерью-природой, а Эля, не замечая того сама, начинала петь будто по часам в каждой такой поездке. Отец в такие моменты был очень счастлив, а самое главное – благода-

рен Богу за свою семью. Даже брат постоянно вынимал наушники из ушей, чтобы насладиться пением и увиденным. Что уж говорить о матери, она всю дорогу плакала от радости, начиная от супермаркета, когда муж объявлял, что поедет по праздничному пути. Двенадцать километров счастья – ровно такое расстояние было от супермаркета до дома по окружной дороге и всего два километра по прямой. Может, кто-то скажет, что эта семья занимается ерундой, но только не я, ведь в этой жизни не все знают цену счастью, а они знали. После массивных лесных стен заканчивалась сказка и начиналась суровая реальность: столбы да дома – вот и родной северный район города Тамбова. Через два перекрестка стояла родная серая пятиэтажка – в ней и проживало семейство Вебер. Отец мог увезти семью куда угодно в место лучше этого, но что-то его здесь держало. У подъезда их ждала повседневная картина: бездомный житель мира под именем Николай как всегда сидел на скамейке, держа дрожащими пальцами остатки влажной папиросы. Увидев подъезжающую машину Веберов, он улыбнулся, он не скрывал симпатию к этой семье, а особенно к Элине: она всегда ему помогала, он даже полюбил ее как дочь, которой у него не было. Эля постоянно давала ему всякую мелочь: бутерброды, воду. Один раз зимой, когда родители находились на служении в церкви, а Эля болела, она, выглянув в окно, заметила, как он замерзает на той же самой лавочке. Девочка пригласила его домой, покормила, отмыла и дала папину одежду. Папа,

конечно, сразу заметил свое дорожное пальто на Николае, но забирать почему-то не стал, да и на дочь особо не злился, просто сидел и смотрел холодными глазами в окно, правда, всего три дня. Ну ничего, время лечит.

Отец плавно припарковался возле старинного тополя и пригласил семью покинуть транспортное средство. Эля пулей рванула к скамейке, не закрыв даже дверь машины.

– Николай, я тут тебе подарочек купила! – с краской на лице, добежав до лавочки, запыханно сказала она.

– Спасибо, маленькая леди, ты очень добра. А что там у вас? – с любопытством прошептал Коля.

– Вот это, – протянув пакет, сказала Эля. – Откроешь, как я уйду. Сейчас папа будет готовить кушать. У нас праздник, я вынесу тебе немного, заодно скажешь, как тебе, понравилась?

– Хорошо, милая, – опять тихо и скромно произнес Коля.

И в этот момент в душе бездомного все перевернулось. Он хотел отблагодарить и обнять девочку, но понимал, что у него нет такого права. Элечка вприпрыжку заскочила в подъезд, а за ней и семья. Все вежливо поздоровались с Николаем, он хотел поздороваться в ответ, но потерял голос – комок встал в горле. Только когда вся семья скрылась за дверьми подъезда, он произнес тихо: «Здравствуйте». Этот вечер был прекрасен, все приятные чувства, которые можно было испытать, Элина испытала, кроме подростковой любви. Она не видела смысла в отношениях с мальчиками – её сердечко

было занято музыкой. Она и не знала, как это. И, признаться честно, боялась влюбиться и слететь с пути, по которому так бережно и заботливо вёл ее Всевышний.

День подошёл к концу, звезды проступали в темноте небесной, и семейство мирно почивало. Элина заботливо сложила одежду в шкафчик, но вдруг вспомнила о Николае, сидящем на улице.

– О нет! Я же обещала вынести ему еды, тем более, нужно спросить, понравился ли ему браслетик.

Эля, не задумываясь ни минуты более, начала вытаскивать вещи из шкафчика и одевать их на себя. За какие-то пятнадцать-двадцать минут она справилась и была в полной боевой раскраске. Эля всегда выглядела прекрасно, неважно, куда она шла: в поход, на концерт или в туалет. Она тихонько пробралась на кухню, открыла холодильник, побыстрому достала и отрезала мясо по-французски, прикрыла фольгой, потом хлеб и опять фольга – вот и аккуратный сверток. Она положила его в карман толстовки, и все готово. Отпирая тяжеленную дверь подъезда, Элина увидела, как Николай сидел на лавочке, смотря на звездное небо.

– О чём думаете, Коленька?

Николай вздрогнул, но увидев Элю, пришёл в себя и тихо сказал:

– О небе, Элечка, о небе. Я люблю небо и звезды – они как бы показывают мне, что не только я ничтожен в этом мире.

– Коленька, не смейте так говорить! Вы не ничтожны, вы

очень даже не ничтожны.

– Элечка, милая, вы не знаете, о чём говорите, вы молоды. Я просто хочу сказать, что по сравнению со Вселенной у людского существования вообще нет смысла, лично мне так легче думать, потому что у меня ничего нет и смысла жить я не вижу.

– Не говорите так, Коля! – с детской безвредной яростью сказала Эля. – Бог вас создал и в вашей истории есть цель, вы ее выполняете и не думайте, что вы обречены. Пока вы дышите, у вас есть шанс и есть призвание.

– Да, но я никому не нужен – с хрипотой в голосе сказал Николай.

– Вы нужны мне! О ком я буду заботиться? покупать подарочки, выходить ночью, чтобы покормить? Не смейте говорить мне такое, а то я вам дам по шее.

После этих слов оба засмеялись беззаботным смехом.

– Вот, это вам, – аккуратно вытащив из толстовки сверток, сказала Эля.

– Спасибо, Элечка, и за браслет спасибо, только я не понял, что на нем написано.

– А, это! Это легко. Там написано, что я вас люблю, хоть от вас и пахнет, и что я всегда буду вам помогать.

– Вы хороший друг, Эля. Я очень вас ценю.

– И я вас, Коля, прошу, не расстраивайтесь больше. Я буду вам помогать, а сейчас, можно, я пойду спать?

– Конечно, идите, не мерзните, – сказал Николай, прово-

жая взглядом уже убегающую в подъезд девушку.

2. Глава

Облупленные стены, деревянные обшарпанные окна, чудом живой, но местами потрескавшийся шифер. Все, что видели молодые, но усталые глаза темноволосого паренька. Он стоял во дворе детского приюта и смотрел на этот Богом забытый дом. Про себя думая, что делать, а фиг его знает. Вот и восемнадцать лет стукнуло, а за душой ни копейки. С утра он перетер с хозяйкой приюта, она сказала, чтобы к вечеру его тут не было. Он не мог поверить, что прожил в этой дыре все свое сознательное время, а с ним так легко здесь прощаются. Перед ним стоял выбор: забирать вещи и сваливать, или пожить на чердаке, пока его не спалют. Вещей у него было немного: все, что на нем, и документы. Все пролетело одним днем, первый день в приюте семнадцать лет назад в девяносто девятом, когда его подложили под дверь детского дома лишь с запиской, где были написаны имя, фамилия, год рождения и краткое пожелание. Записка и слова эти в сердце Гриши по сей день: «Мы тебя любим и обязательно отыщем».

Все эти годы он ждал и верил, но никто не приходил. Он очень верил в чудо и что его родители найдутся. Эта частичка не давала ему уйти отсюда – вдруг они приедут, а Гриши нет – это было самое страшное для его души. За годы, про-

ведённые в этих стенах, он многое понял о людях, их желаниях, их потребностях, о их характере, о лжи, лицемерии, предательстве. Вот, к примеру, старый охранник Анатолий был добрым человеком – позволял выходить ночью в город за пачку сигарет. Уборщица, Раиса Петровна, её лучше не встречать в коридорах этого мрачного заведения, она постоянно орёт и всем недовольна. Младшая группа настолько боялась её криков, что когда та убиралась, коридоры пустовали, а дети запирались в своих комнатах и лезли под шконки. А вот повар – Ольга – отличалась добротой, поэтому старый охранник Анатолий часто с ней беседовал, настолько часто, что приют и вовсе оставался без охраны. В приюте было еще пару воспитателей, не отличающихся добротой, от них Григорий научился только жестокости и безразличию, ну а директор, Хозяйка – так называли ее детки, не любила свою работу и вовсе. Когда детям исполнялось восемнадцать лет, а государство прекращало выделять деньги на того или иного ребёнка, она выставляла его на порог приюта, предварительно отняв все вещи, оставив только те, которые совпадали со временем года. Хорошо, что была весна и холода ушли пару недель тому назад.

– Некрасов, ты что тут делаешь?! – прервав думы Гриши, громко крикнула Хозяйка через весь двор.

– Я сейчас уйду, не переживайте, – сказал Гриша, плюнув в ее сторону.

– Давай-давай, побыстрее, и не харкай мне на газон, ще-

нок, – это было последнее, что сорвалось с губ Хозяйки перед тем, как она зашла обратно в дом.

«Дурында старая», – сказал про себя Гриша, направился в сторону будки охранника и тихо постучал в заляпанное окно.

– Анатолий! – Тук-тук.

– Да, кто там? – послышался хриплый голос Охранника.

– Хотел попросить об услуге, – не дождавшись выхода из будки собеседника, спросил Гриша.

– Что ты хотел, парень? – Со скрипом открылась старая дверь, и помятое небритое лицо увидело свет.

– Мне исполнилось восемнадцать лет, Хозяйка выгнала меня из приюта, и я хотел бы попросить вас, если вдруг узнают, что я на чердаке живу, она попросит вас вызвать полицию, помните, что пару лет назад такое уже было с пареньком, покидавшим этот дом. Так вот, вы, прежде чем вызвать полицию, предупредите меня.

– Хорошо, пацан, и с днем рождения, но мне нужна услуга взамен.

– Я слушаю, – перебив, сказал Гриша.

– Днем ты не выходишь и каждый вечер приносишь мне сигареты.

– Отлично, если я не ошибаюсь, донской табак.

– Верно ты подметил, малой.

Крепко пожав друг другу руки, они разошлись: кто-то в будку, кто-то на чердак. Гриша предварительно готовил се-

бе жилище на чердаке последние пару недель, там его ждала собранная из старых кроватей лежанка. Поднявшись на чердак по уличной лестнице, он завалился на свою кровать и, закрыв глаза, мечтал, как через пару недель пройдет комиссию и пойдет в армию, покинув это место. У Гриши, в принципе, все было готово, он дал напутствие одному пареньку, что если вдруг объявятся его родители, паренек скажет, что он служит в армии и даст номер телефона, но до отъезда было еще пару недель, так что он просто надеялся, что за эти пару недель произойдет чудо.

И чудо произойдет, но пока никто и не мог догадаться, в чем это чудо будет заключаться.

Глава 3.

Сладкое тёплое утро. Эля не спеша открыла глаза и посмотрела на будильник, еще полчаса. Но солнечный свет уже грел щёки юной музыкантки.

– Ах, эта весна! Так рано светает! – сказала Элина вслух, повернувшись и взглянув на сестру – они спали в одной комнате.

Она подумала, что пока не стоит воспроизводить мысли вслух, ведь сестричка спит. Косолапо, но бережно она надела домашние тапочки, похожие на двух зайцев, и устремилась к двери комнаты. Как только Элю резко пошатнуло в сторону, она подумала про себя: «Наверное, резко встала», – и не придала этому головокружению значения. Тихонько выбежав в коридор квартиры, она почувствовала, что с кухни уже пахло свежеприготовленным горячим кофе. Это отец – он раньше всех вставал, работал с видеоматериалами для его блогов, да и варёный кофе кроме него никто не пил. Эля тихонько проскользнула в ванную – посмотреться в зеркальце и умыться. Сегодня особенный день – она едет к своей подруге. Эля и так раньше обычного завела будильник, но при этом она раньше встала, так что, чтобы собраться в поездку, у нее времени было достаточно. Эля была скромным человеком, поэтому близких друзей у неё было очень мало, а точнее, было

всего две подружки. Мама и Настя Емельянова. К сожалению, Настя жила в другом городе, поэтому видеться каждый день не было возможности, но каждая их встреча была как глоток воды в сухой пустыне, как свет в конце туннеля, как что-то необычайно радостное. Сделав все свои дела в ванной, Элина поспешила одеться, после чего, взяв денег у сидевшего на кухне отца, отправилась в путь. Она понимала, что время, проведенное с Настей, прилетит мгновенно, но старалась не думать об этом, ведь она была так рада этой поездке. Дорога занимала три часа, и все эти три часа Эля находилась в ожидании радостной встречи. Чтобы время пролетело побыстрее, девочка взяла с собой книгу, которую читала во время своей поездки. Также она любила слушать музыку и петь, но петь в набитом людьми автобусе – не лучшая идея, поэтому Эля еле сдерживалась, чтобы не начать подпевать играющей в автобусе музыке. Доехав до места, Эля позвонила подруге, та встретила её. Настя жила в частном доме, который окружала необычайной красоты природа. Неподалеку находилась речка, куда подружки приходили по вечерам, расстилали плед и любовались закатом уходящего солнца. Проводя вместе время, подружки находили друг в друге удовлетворение, они могли не спать ночами и постоянно изливать друг другу душу. Вот такая глубокая и сильная дружба была между ними. Девочки прошли через многое вместе, и хоть знакомы были не с самого детства, но казалось, что они знают друг друга с пелёнок – настолько сильна и крепка была

их дружба. Увидев Настю, Эля была готова скакать от радости. Они очень давно не виделись, поэтому эта встреча была долгожданной. Настя же тоже очень сильно соскучилась по любимой подруге, поэтому к её приезду она испекла очень вкусный, как оказалось потом, шоколадный торт. Готовить Настя не любила, но ей очень хотелось порадовать родную подругу.

Погода в этот день оказалась не самой удачной – сильные порывы ветра говорили о приближающемся ливне, поэтому девочки решили остаться дома и провести время в разговоре. Общение любящих друг друга подруг могло продолжаться бесконечно, они открывали друг другу свои тайны, а также духовные переживания.

– Порой кажется, что я никому не нужна, все вокруг только и делают, что жалуются на мое присутствие и делают мне замечания, – отчаянно произнесла Настя.

Ей было очень обидно, что порой она получала замечания совсем незаслуженно. Эля же молча выслушивала любимую подругу, она любила слушать Настю, а особенно любила она утешать родную душу, потому что для Эли было важно моральное состояние подруги, ее духовные переживания.

– Не переживай, не отчаивайся. Ты нужна Господу! Что может быть ценнее, что может быть радостнее этого? Господь, Царь Вселенной, наш Создатель, выбрал именно тебя для того, чтобы ты служила Ему, выбрал тебя для того, чтобы спасти через Своего Сына! В этом весь смысл жизни, в

этом радость, в этом наша надежда! – воодушевленно произнесла Эля.

Ведь ей нравилось находиться в окружении своей лучшей подруги не только тогда, когда им весело и хорошо, но и тогда, когда было грустно и досадно. Ведь в этом и заключается настоящая дружба, потому что «Друг любит во всякое время и, как брат, явится во время несчастья» (Притчи 17:17).

– Верно, – ответила Настя.

– Не знаю, что бы я делала без тебя, родная! Ты мой лучик света в этом темном мире. Ты нужна мне! – с любовью произнесла Эля.

Она ни капли не сомневалась в Насте и их дружбе. Отношения между ними были доверительными и очень тёплыми.

Постепенно на улице вечерело, ветер утих, и подруги решили пойти прогуляться. Идя по родным тропинкам своего детства, Настя вспоминала тёплые моменты, а также веселые истории, связанные с её детством.

– А помнишь?! – захлебываясь смехом, воскликнула Настя. – Помнишь, как мой брат поджег навоз в сарае? Вот глупышка маленький, а вонь-то какая была!

– Даааа, ну и веселое же было у тебя детство! – засиявши от радости, ответила Эля.

– Как бы хотелось вернуть это время назад и пережить хотя бы один момент из тёплого и беззаботного детства.

– Летит время, скоро мы станем совсем взрослыми, скоро появятся новые заботы, новые проблемы, эх, грустно об этом

даже подумать, не то чтоб пережить, – ответила Эля.

Девочки шли и бесконечно разговаривали, казалось, что время остановилось, что все это происходит будто в другом времени, в другой реальности.

Эля никуда не спешила, поэтому не собиралась ехать домой, ей хотелось побыть побольше в гостях у подруги. Настя же тоже хотела побольше провести время с Элей, поэтому её совсем не смущала гора посуды, которую она должна была помыть ещё с утра.

– Ах, подождут дела. Ведь куда важнее провести время с близким человеком, чем заниматься рутинными вещами.

Возвращаясь домой, девочки решили зайти в магазин, чтобы купить еды для предстоящего просмотра фильма, который они запланировали перед сном. Когда девочки пришли домой, их ждала любящая и заботливая мама Насти, она очень переживала, что девочек так долго не было дома, но подруги даже и не заметили, как наступило двенадцать часов ночи, пока они гуляли. Это было достаточно поздно, особенно для тёмного частного сектора, где часто промышляли хулиганы. Но подругам не было страшно, ведь они знали, что находятся под охраной Бога и что с Ним ничего не страшно.

Девочки выбрали фильм и приступили к его просмотру. Обеим был близок жанр драмы, поэтому они любили смотреть тёплые и грустные фильмы, наполненные смыслом. Пошлые же комедии были далеки от их вкусов, потому что девочки были озадачены возрастанием духовного состояния,

нежели укреплением эмоционального фона.

В этот раз фильм оказался нудным, поэтому девочки заснули, совсем не запланировав этого. Проснувшись утром, девочки очень развеселились, узнав, что заснули одновременно. Настолько близка была их дружба, что даже засыпали они в одно время.

Но вот пришло время уезжать. Беззаботные выходные прошли очень быстро.

– Ах! Как же быстро летит время, когда ты проводишь его с любимыми людьми! – сказала Настя.

– Не говори, – с грустью произнесла Эля. – Почему самые тёплые моменты проходят так быстро?

– Я обязательно буду ждать встречи и очень сильно скучать!

– Я тоже, Настенька, родная!

Утонув в крепких объятьях Насти, Эля поняла, что могла находиться бы там вечно, но, к сожалению, за горизонтом ждала учеба и длительная подготовка к долгожданной встрече с дедушкой. Сев в автобус до родного города, Эля взгрустнула и еще раз прогнала в памяти все события прошедшего на всех порах уикенда. Она думала о том, что теперь не скоро появится вновь в этих значимых для ее души местах. Грусть захлестнула ее до краев и глаза наполнились слезами. За слезами пришло понимание того, что близких людей не так уж и много в этой жизни, и нужно ценить каждый подаренный миг и те места, где тебя любят и ценят. Элю любили

все, но чувствовала она проявления любви далеко не от каждого человека. Ей так хотелось остаться там, когда к всему прочему в окошке автобуса она увидела плачущую Настю. Было поздно, и автобус плавно тронулся, а голос кондуктора прозвучал как приговор: «Следующая остановка – Тамбов!»

4. Глава

Утром последующего дня после возвращения Элины от подруги.

Глаза Эли открылись с тяжестью, а звон будильника, казалось, создавал трещины на барабанных перепонках девочки. Вот что значит вставать на учёбу после отлично проведённых выходных. Неохотно оторвав лапки от постели, Эля принялась за свои утренние процедуры. Обычно это были быстрые и уверенные действия – за секунду она была в ванной, через три минуты уже на кухне пила либо свежесжатый яблочный сок, либо из пакета – это зависело от ее настроения. Сегодня утро не задалось, так что сок она пила из пакета. Все было не так: и в ванной она задержалась надолго, и встала еле-еле, а после того, как выпила соку, её пошатнуло в сторону. «Ну точно сегодня что-то случится! – подумала про себя Эля. – Как-то все странно».

Она долго не могла найти, что ей надеть, хотя обычно она была пунктуальна и педантична – с вечера уже знала, в чем пойдет. Но сегодня, честное слово, все валилось из рук. А после того, как она увидела грязные бледно-розовые Vans, ее руки и вовсе опустились, она присела на комод и тяжело вздохнула, думая, что за день сегодня. Потом она заглянула в шкафчик возле комода – там висело розовое платье,

которое она последний раз надевала чуть ли не год назад, поэтому она быстро надела его на себя, крохотными пальчиками расправив все неровности, но после этого ей стало ужасно не хватать воздуха. Элина запаниковала. Почти трясущими ручками она взяла обувную ложку, обулась, схватила расстегнутую сумку с учебниками и дамскими принадлежностями и выбежала из квартиры. Открыв дверь подъезда, она жадно вздохнула.

«Уффф» – долго выдыхая из груди, она почувствовала лёгкую эйфорию. На душе потеплело и тревогу как сдуло легким тёплым ветром, нежно перебирающим ее волосы. Она посмотрела на лавочку – там мирно возлегал Николай, тихонько похрапывая.

«Ох... я же завтрак ему не вытащила! – тревожно подумала Эля. – Ну ничего, будить его не буду – вечером накормлю до отвалу». Пройдя мимо, Эля будто очнулась ото сна и быстрыми движениями стала лазить в сумочке. Так, где же он... неужели выложила? – Ага, вот он! – Там, в уголке за кошельком, удобно лежал пирожок с капустой, что дала в дорогу Эле мама ее подруги Насти. «Вот как хорошо, что я его не выложила вчера, хоть чему-то хорошему послужила моя рассеянность». Она заботливо положила пирожок на грудь Николая, он даже перестал храпеть, но глаза не открыл, видимо, не проснулся. «Так я же опаздываю», – чуть ли не в слух подумала Элечка и поспешила на остановку. Там будто дожидался ее обычный автобус под номером двенадцать. Это

было её любимое число, может, ещё потому, что и день рождения у нее был двенадцатого апреля, а многие хорошие вещи с ней происходили именно двенадцатого числа, кто знает, совпадение или судьба.

Приехав в училище, она поспешила пройти в класс, но в коридоре заметила шведский консилиум. Ряд педагогов при ее проявлении выстроился в линейку. «Вот, пожалуйста, выбирай кого захочешь, от своего персонального учителя Евгения Брониславовича до Ольги Борисовны – мастера оперного жанра».

Улыбнувшись, Эля сказала:

– Вы же не меня здесь ждете? – На что увидела лёгкое шевеление и шёпот.

– Скажите ей, – прошептал один из учителей.

Евгений Брониславович, как истинный джентельмен, сделал шаг вперед и жестом руки подозвал Элечку.

– Здравствуйте, Евгений Брониславович

– Здравствуйте, милая, как отдохнули на выходных? Готовы к учебному процессу?

– Конечно, – неуверенно произнесла Элечка.

– Тут в чем дело, милая, мы долго совещались с коллегами и решили отправить тебя на практику.

– Это замечательно, Евгений Брониславович, – улыбнулась Элина.

– Так вот, практика состоит в том, чтобы проверить твою преданность нашему музыкальному делу. Учитель сделал

пару тревожных шагов вперед по коридору, осторожно сопровождая Элину за собою.

– Так что я должна делать, учитель? – неторопливо, но тревожно сказала Элечка.

– Повторяю, это для твоей психологической выдержки и знаний по педагогике.

– Так что же? – нахмуренно спросила Элина.

– Ты должна пройти практику в местном детском приюте. Чтобы найти способных детей из низшего класса общества. – как бы отрезав, сказал Евгений Брониславович.

– Мистер учитель! – раздраженно сказала Элина. – А не слишком ли я молода для этой работы и не находите ли вы, что это занятие должны проводить как минимум учителя?

– Эль, скажу по секрету, кроме тебя некому – все отказались. Пришел приказ с министерства культуры о зачислении детей сирот на курсы музыки, а как и кем он будет реализоваться – не сказали. Все сразу спрыгнули с тонущего корабля, так вот не отказывайся и ты. Ты единственный человек на курсе, кто способен своей музыкой привлечь сердца этих сирот. Твоя музыка лечит.

– Конечно, я шоке, – резко прервала Элина своего учителя. – Но сегодня и так день странный, так что я возьмусь за вашу задачу. Всё равно до поездки в Москву мне делать нечего.

– А, и кстати, поездки в Москву не будет.

– Ах! Евгений Брониславович, успокойтесь, девочка и так

потрясена, – ворвалась в диалог Ольга Борисовна, схватив Евгения Борониславовича за локоть и отведя в сторону.

– Милая моя, не переживай, все будет хорошо, там о тебе позаботятся, никто не причинит тебе вреда, – быстро сказала Ольга Борисовна.

– А что же вы сами не едете?

– А у меня дети! – ничего более интересного не смогла придумать Ольга Борисовна.

– Хорошо, и когда начинать? – спросила Эля.

– С завтрашнего дня, – услышался мягкий голос Евгения Борониславовича откуда-то из-за спины Ольги Борисовны.

– Хорошо, – спокойно сказала Эля, – тогда сегодня я иду домой готовиться.

– Никто не имеет возражений, Элечка, – тихо сказал кто-то из ряда учителей.

Эля покинула музыкалку и на всех парах двинулась в церковь, хотя и был понедельник.

Храм Божий всегда был открыт для всех и днём, и ночью, – всё потому, что пастор местной Церкви всегда был на службе. Алексей Андреевич Плотников – его имя можно часто услышать в городе Тамбове, и не только в церковных кругах, а все потому, что Алексей Андреевич был морским пехотинцем в отставке и героем войны в Югославии – это было известно всем. Также он сам утверждал, что потерял указательный палец и все документы, когда их колонну подорвали в Югославии, а еще было известно, что до двухтысяч-

ного года Алексея Андреевича Плотникова никогда не было на тамбовской земле. Таким вот загадочным человеком он был. Многие считали, что он как бы призрак, но несмотря на все слухи и доводы, все равно верили и любили Алексея, потому что за столько лет служения в церкви этот человек ни разу никому не отказал. Когда Алексей вернулся из Америки, он начал с работы дворником в этой же церкви. После стал дьяконом, потом, через некоторое время, принял пасторские обязанности. Он всегда говорил, что очень жалеет потерянную на войне память, но, добавлял он, и благодарен за это, потому что Всевышний через него помог многим людям найти свой путь. А самое ценное из всего, что у него было на земле – это старая собака под именем Чарли. Вот и все его ценности. Именно к этому человеку за советом шла напуганная Элина. «Осталось совсем немного», – повторила про себя девочка, и наконец увидела в небе верхушку креста – это был пик высоты Божьего храма. Она улыбнулась и поспешила ко входу. Конечно же, Эля знала все слухи про ее пастора, она и сама много раз слышала историю, как он проснулся после войны в госпитале и все, что помнил – это предложение из двух слов: «Там Бог!» – больше ничего. А когда врачи сказали, что никак не могут определить его личность, потому что он единственный выживший и может быть кем угодно из подорванной колонны проклятых, он взял списки в руки и выбрал себе имя и фамилию – это был тот человек, вместо которого он будет проживать эту жизнь, тот че-

ловек, под именем которого он будет ходить. После этого он выбрал заранее город, в котором будет проживать. И выбрал его пал на Тамбов, потому что слово «Тамбов» было созвучно с единственным словосочетанием, оставшимся в его памяти после войны, звучало это так: «Тамбов – там Бог». После этого он год пролечился в Америке, но, не добившись успеха и не вернув ни клочка воспоминаний о былой жизни, вернулся на Родину. Тут ему присвоили звание Героя войны в Югославии и героя России. «Потрясающая история!» – всегда думала Эля. И вот он стоит на коленях подле креста и молится. Войдя в церковь, можно было всегда застать его за молитвой, только пёсик Чарли, махая хвостиком, встречал Элечку.

– Привет, милый, извини, ничего не принесла, – погладив собачку, сказала Эля.

Услышав, что кто-то пришел, пастор закончил молитву и встал. Это был огромный мужчина: большой и крепкий, он неспешно подошёл к Элине и приобнял:

– Привет, дорогая, ты почему в воскресенье не была? Хор без тебя не тянет.

– Ой, забыла предупредить, Алексей Андреевич, честное слово, извините, ездила к лучшей подруге.

– Дружба – это похвально. Ты за помощью пришла? В понедельник я как бы занят, – с усмешкой сказал пастор.

– Вы заняты? Извините, пожалуйста.

– Да я шучу, Элечка. Я всегда готов помочь с Божьей по-

мощью.

– Ахаха, вы меня напугали, если честно.

– Да ладно тебе, рассказывай, что тебя тревожит, милая?

Элечка быстро пересказала ему историю, произошедшую с ней в недавнее время. На что Алексей Андреевич сказал: «Давай помолимся за твои опасения.» Они сели на колени к кресту и молились минут пятнадцать, после чего пастор поднялся и спросил:

– Элечка, тебе стало легче?

– Да, Алексей Андреевич, стало!

– Ты знаешь, что делать?

– Я думаю, мне стоит пойти и помочь этим детям.

– Правильно, дорогая, иди с Божьей помощью. Я сам хотел сходить в этот приют, но что-то меня постоянно останавливало. Может, схожу в следующее воскресенье – пастор достал маленький черный блокнотик и что-то записал в него, после этого попрощался с Элей, взял подмышку собаку и удалился. Элечка же в свое время с лёгкой душой выходила из Храма Божьего без опасений про завтрашний день, того, что ее ждет.

Глава 5.

Как оказалось, ранним утром спать на чердаке было довольно холодно. Гриша, не прекращая, вертелся туда-сюда, пытаясь согреться хотя бы немного, а ночью помимо холода еще и кошмарные сны одолевали мальчишку. Так что он ждал, пока выйдет солнце и лучами обнимет его, согреет, а потом и поспать пару часов, может и больше. Ну вот и дождался – солнышко потихоньку обжаривало самодельную постель юноши, и Грише удалось уснуть. В этот момент возле ворот приюта остановилась желтое такси, и из его дверей аккуратно вылетела маленькая девочка. Внимательно пробежав глазками по зданию приюта, она выдохнула, расплатилась с шофёром, и мелкими неуверенными шажками подошла к будке охранника. Охранник Анатолий в этот момент наводил свой обычный утренний кофе и дрожащими от ночного холода пальцами держал сигарету. Поднеся зажигалку к сигарете, Анатолий вздрогнул от стука в окошко будки, а за стуком прозвучал милый, неуверенный голосок.

– Здравствуйте, извините, что тревожу. Это случайно не детский приют?

В ответ Анатолий произнес:

– Секундочку, сейчас я выйду.

Охранник небрежно кинул на стол сигарету, накинул вой-

лочную жилетку поверх униформы охранника и, скрипя суставами и дверью фургона, вышел.

– Здравствуйте, – еще раз произнесла девушка.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – вежливо ответил Анатолий.

– Дело в том, что я из музыкального колледжа и приехала к вам заинтересовать детей музыкой, чтобы те, которым понравится, потом смогли развиваться и учиться в нашем заведении.

– Ну понятно, – улыбнувшись, ответил Анатолий. – Сейчас я вас провожу к дежурному воспитателю, так как директора сегодня не будет, только ключи возьму от главных дверей.

– Конечно-конечно, – кивнула девочка.

Анатолий открыл свою будку и потянулся за ключами на столе, увидев при этом, как его утренний кофе залил полстола и намочил первую утреннюю сигарету.

«Утро удалось!» – подумал охранник и хлопнул дверью.

– Пройдемте, милочка, – указывая в сторону больших дверей в здание, сказал Анатолий.

Охранник открыл двухметровую деревянную дверь так, что скрип старого дерева пронзил коридоры приюта.

– Будьте как дома, милочка, – улыбнувшись сказал Анатолий.

– Спасибо, – сказала Эля. От пыли в воздухе у нее сильно чесался нос и хотелось чихнуть.

– Так, девушка, я с вами не пойду, вы идите по коридору прямо до конца, потом направо, там увидите стол, за которым сидит дежурный воспитатель. Он вам все покажет, хотя, если честно, вы очень рано приехали. Ну ничего, там вам покажут, где, если что, подождать.

– Большое спасибо вам, – громко сказала Эля.

– Будьте здоровы, милочка.

– Спасибо, но это вряд ли.

Эля тихими шагами продвигалась по коридору, каждая советская дощечка под ногами задавала неприятный скрип. «Да на что я подписалась!» – думала Эля. Она смотрела на старые облупленные стены, на потолок, с которого капали капли воды, и поблагодарила Господа за то, что Бог ей дал намного больше, чем всем этим детям. Но также ей было и очень жалко этих сирот, расти в таком месте было ужасно.

Не пожелаешь никому. Перед поворотом она уперлась в тупик, где на стене висел старый советский плакат, от падающих капель он и вовсе размылся так, что Эля не смогла прочесть и строчки.

Элина повернулась и заметила взгляд немолодой женщины, та сидела за столом, держа в руках пульт от телевизора.

– Кто вы? – дерзко сказала женщина.

– Здравствуйте, меня зовут Элина и я...

– Ааа, из музыкальной школы, да, предупреждали, ну ты проходи сюда, не мокни там, там с потолка течёт, вон падай на диван, сейчас только одеяло уберу. Женщина не торопясь

встала и убрала старое одеяло с дыркой посередине.

– Можно у вас спросить, а через сколько я смогу выступить перед детьми? – вежливо сказала Элочка.

– Да через полчаса у них подъём, потом минут через двадцать, как койки заправят, забирай их в гостиный зал, там рояль стоит. Только сорванцы его изрядно помяли, так что если ты не взяла с собой инструмента, вряд ли у тебя чего получится. А ты, как я вижу, ничего с собой не взяла, или ты поёшь? Сказали, пришлют пианистку.

– Я и пою, и играю на пианино, так что спеть мне не составит труда.

– Хорошо, посмотрим, но я тебя сразу предупреждаю, что вряд ли здесь кто-то тебя будет слушать, а скорей всего ты очень огорчишься, они звери – в этом ты можешь не сомневаться.

Эля тяжело вздохнула, и еле заметная слеза прокатилась по ее нежному лицу. Она сразу вытерла ее рукой, пока тетка не заметила.

– Ладно, будем ждать! – уверенно сказала Эля, а у самой дрожала душа.

В это время кое-что другое дрожало на чердаке от громкого храпа, а именно маленький паук, раскинувший сети прямо над головой Гриши. Мальчик дышал так громко, что от порывов создаваемого им ветра паук летал на своей паутине как на батуте. Послышался громкий звон утреннего колокольчика. Гриша вздрогнул, но не проснулся. Он все сем-

надцать лет каждое утро, проведённое в стенах этого дома, вздрагивал при звоне этой штуковины, но оттого, что Григорий находился на чердаке, звука было недостаточно, чтобы разбудить мальчика. Ну когда через какое-то мгновение весь дом превратился в ад, Григорий уже проснулся. Дом наполнился криками детей, они бегали туда-сюда, создавая своими действиями ужаснейшую обстановку. Внизу сидела Элина, она смотрела на происходящие ужасы и не могла понять, почему все бегают и даже не замечают её. А на чердаке валялся Гриша и мечтал заткнуть каждый рот в этом доме. Эля и Гриша друг друга не знали, но мечтали сейчас об одном и том же – быть где угодно, но только не тут. Гриша неуклюже поднялся, стряхнув с головы паутину, посмотрел по сторонам и подумал: «А было бы круто как-нибудь проснуться где-нибудь на пляже, да хотя бы в Сочи там, или в Туапсе». Да-а... мечты мечтами, а позавтракать стоит. Теперь остаётся беспалевно спуститься в столовую на первый этаж, а о своём завтраке он уже договорился вчера с поварихой.

Пока Григорий наверху собирался, дежурный воспитатель проводил Элину в гостиную комнату и усадил за старый покрытый пылью рояль. От рояля пахло мокрым деревом – это был запах тонущего пиратского корабля. Конечно, Эля не знала, как пахнет тонущий корабль, но на ее воображение больше ничего и не приходило: грибок, плесень, паутина, пыль – это место, ужаснейшее в жизни Элины. «Да поскорее бы отыграть», – подумала Эля. Постепенно в приюте стало

тише, крики прекратились, никто не бегал туда-сюда, а в зал один за другим как утятки стали заходить дети. «Один, два, – считала про себя Эля, – три, четыре». Потом пошли мальчишки постарше – пять, шесть, семь, потом друг за дружкой в одинаковой одежде зашли четыре девочки и уселись на протертый единицами и уничтоженный временем диван. За ними зашла дежурный воспитатель и, посмотрев на Элю, произнесла: «Всех, кого смогла собрать, занимайтесь. Так, а вы выслушайте ее и не обижайте! Понятно?»

– Да! – хором ответили дети.

Воспитательница вышла из комнаты, оставив Элечку одну с детьми. Элечка знатно волновалась, но не пыталась скрыть это.

– Здравствуйте, дети», – тихим напряженным голосом сказала Эля и продолжила: – Я пришла с целью привлечь ваше внимание именно к музыке. Я не собираюсь расхваливать и рекламировать наш колледж. Для меня важно проявить в вас любовь к музыке, ко всему прекрасному, что она в себя вкладывает.

– Я хочу сыграть вам. – Эля элегантно поклонилась, чем вызвала небольшой смех у её зрителей, но это не встревожило ее, и она села за рояль, открыла крышку дрожащими пальцами, достала из папки ноты.

В этот момент Эле казалось, что вся комната чувствовала напряжение ее нервов, слышала стук ее бьющегося о рёбра маленького сердца. Восстановив ровное дыхание, она заме-

тила, что не может разглядеть ноты на бумаге – все сливается в одну кашу. Тихим голосом она испуганно сказала:

– Не вижу ничего, не вижу, можно мне воды? Пожалуйста, ребята! – Ни один человек в комнате не пошевелился.

Дети сидели, кто-то улыбался, кто-то просто не слышал, девочки болтали между собой, и никто не обращал внимания на Элину.

Мимо гостиной в столовую как раз шёл Гриша. Шёл тихо, хоть он и знал, что хозяйки не будет, но не хотелось привлекать лишнее внимание.

Увидев сидящую за роялем незнакомую бледную девочку, ему стало интересно, что тут происходит: кто она и что пытается изобразить. Присмотревшись, он увидел, что Элочка дрожит и без звуков говорит. Гриша догадался, что скорее всего ей плохо и с громким возгласом ворвался в гостиную:

– Эээ, ну вы чё, не видите, ей плохо, животные!

Услышав и увидев Гришу, вся группировка малолетних беспризорников подорвалась и начала хором валить отмазки: «Да мы не видели, мы не поняли». Кто-то сказал: «Я только пришёл». Кто во что горазд, тот то и говорил.

Гриша взял Элину за руку так нежно, что она даже не почувствовала, что кто-то взял ее руку.

– Девочка, что с тобой?

Эля не слышала ни слова – она слышала только стук своего сердца.

Заметив, что над нею справа нависла тень, она поверну-

ла голову и увидела симпатичного молодого человека, он открывал рот, что-то говоря ей, но она не могла услышать.

Гриша обернулся на детей и громко крикнул:

– Воды принесли, и порезче!

Вся гильдия резко сорвалась за водой. Гриша в этот момент взял Элю со стула и положил на половик, потому что по сравнению с полом половик был более-менее чистым.

– Так, девочка, смотри на меня и не закрывай глаза.

Гриша понятия не имел, что делать, но щупать пульс Эли даже и не нужно было, – прикоснувшись к ее руке, можно было почувствовать, что ее сердце не бьётся, а буквально разрывается.

– Что же с тобой, малая? Успокаивайся давай, неужели ты так переволновалась? – тихо приговаривая, держал Элину руку Гриша. Казалось бы, ничего не могло растопить жестокое сердце Гриши, но закравшееся уже тогда чувство любви стало творить с ним необыкновенные вещи.

– Вот и вода! – в комнату забежал мальчишка и подал Грише стакан воды. Гриша аккуратно приподнял головку девушки и положил себе на колено, после чего поднес стакан к бледным и сухим губам Элины.

– Пей, девочка, пей, – приговаривал Григорий. Маленькими глотками Эля неспеша стала пить.

– Во, молодец, девочка, пей потихоньку.

Гриша заметил, что Эля начинает давиться и убрал стакан.

– Так, тихо, полежи тут немного, – сняв с колена голову Элины, сказал Гриша.

Он сидел рядом и смотрел за состоянием Эли, она на глазах приходила в себя и бледные губы снова наливались краской.

– Да ты красотка, – сказал Гриша.

Это Элечка услышала.

– Спасибо, вам, – тихим голосом сказала Элечка.

– За что спасибо? Ты и правда красивая.

– Да нет, я не за это благодарю, – поднимаясь с пола сказала Элина, – а за то, что помогли мне.

– Да, я бы сказал, что спас вам жизнь, ахах, – поднимаясь, с улыбкой сказал Григорий.

– Возможно, вы правы и спасли мне жизнь, я благодарна Богу за то, что Он послал вас.

– Да вы что, а я думаю, что благодарить нужно только меня, и я хочу поцелуя, – не скрывая своих желаний, уверено сказал Гриша.

– Да как вы смеее? – удивленно смотря на наглеца очумелыми глазами, произнесла Элина. – Это где же слыхано быть таким наглым? Я вам благодарна, но целовать я вас не буду, понятно?

– Хорошо, девушка, хорошо. В этом нет проблемы, не целуйте, – равнодушно сказал Гриша.

– Правда? – с глазами, полными надежды, спросила Элина

– Конечно, да, – в ответ сказал Гриша и неожиданно для

Элины поцеловал ее так быстро, что она не успела отреагировать.

Поцелуй длился секунды три, а для Элины пронеслась вечность.

Она даже не успела открыть глаза, когда моргнула до поцелуя, – так и осталась стоять с закрытыми. А Гриша уже успел выйти из гостиной, улыбаясь. Эля же просто стояла и не могла пошевелиться. Хорошо, что за всем этим наблюдал один лишь мальчик лет восьми, он улыбнулся и вышел из комнаты, бормоча под нос: «Жених и невеста». Или что-то в этом роде.

Эля стояла и не могла двинуться с места, её сердечко недоумевало, ведь такого с нею еще не случалось. Она открыла глаза и, на её удивление, никого не было рядом, она даже позабыла, что ей было плохо.

«Так, на сегодня с меня этого места достаточно, да и вообще больше сюда не вернусь!» – подумала Элина и топнула ножкой по старому паркету.

Эля схватила сумочку и поспешила на выход.

– Уже уходишь?! – слышался уже знакомый спокойный голос Григория. Он стоял в проходе и жевал свой бутерброд. – А я вот пришёл тебя послушать!

Элину вывели из себя его слова и сам Гриша в целом, она пригрозила ему кулаком, не ответив ни слова, и двинулась в сторону выхода. Гриша снова улыбнулся и крикнул ей вслед:

– Тебя завтра ждать?

Но в ответ послышалась лишь сонная тишина старого и никому ненужного приюта.

Эля же быстрыми короткими шажками дошла до будки Анатолия, бурча под нос: «Как он посмел, бесстыдник, нахал, поцеловать меня, зачем? Что за неприятная личность! Его манеры отвратительны!»

Анатолий сидел в будке, заварил свой обычный быстрый завтрак, достал пачку сигарет из униформы, вытащил сигарету и только поднёс ко рту, как резкий громкий стук, словно весенний гром, обрушился на его будку. От испуга он выронил сигарету в утренний суп.

– Да что же это такое?! – возгласил Анатолий, посмотрев грустными глазами в суп.

– Кто там? – грубо ответил он на стук по будке.

– Извините, пожалуйста, не могли бы вы вызвать мне такси?

Анатолий узнал этот голос, ведь именно он загубил его утренний кофе.

– Девушка, а вы сами не можете? – выкидывая суп в мусорное ведёрко, произнес Анатолий.

– Да, действительно. Не подумала, – сказала Эля.

Анатолий, надев свою жилетку поверх униформы, вышел на улицу.

– Ладно, я вызову. – Анатолий не смог оказать столь милостивой девушке, кажется, она растопила не только сердце Гриши, но ещё и охранника.

– Спасибо вам огромное, вы очень добры.

– Хорошо-хорошо, а почему вы так рано? Неужели так быстро отыграли?

– Можно и так сказать, – медленно, опустив глаза ответила Эля.

– Понятно, завтра вас ждать?

– Да ни за что в жизни! – чуть ли не крича, сказала девочка.

Анатолий улыбнулся и тихо сказал:

– Ожидайте пару минут, сейчас приедет.

– Еще раз спасибо, – смущённо произнесла Эля.

Анатолий зашёл в будку, а Эле всё еще было стыдно за то, что повысила голос, разговаривая с этим приятным джентльменом.

Такси подъехало, и Эля быстро уселась, но почему-то не могла оторвать глаз от приюта. Маленькие и никому не нужные детки заставили ее сердце обливаться кровью, ведь она понимала, что, может быть, в дальнейшем она сможет хотя бы некоторым из них помочь обрести смысл жизни, найти свой истинный путь – поверить в Бога.

«Может быть, я неправа, нужно было остаться и доиграть и так и не начатый номер?»

Но нет – все мысли о том, что она недостойно поступила, а также чувство стыда притупляла одна мысль о поступке этого незнакомого мальчика.

– Он даже не знал моего имени, – удивлённым голосом

сказала вслух Элина, находясь в машине.

Таксист даже вздрогнул, посмотрев на Элину через зеркало заднего вида.

Гриша в этот момент поднимался на чердак и думал о Эле. Он думал, как она могла ему так быстро понравиться? «Да, было бы неплохо увидеть ее еще раз, а может, два, можно было бы познакомиться, – это отличный вариант, я полюбому ей понравился!» – самоуверенно думал Гриша. «Хотя нет, скоро в армию, да и плюс она выглядит как принцесса, а я куда ей – босота. Нужно просто перебороть чувства, да и уйти спокойно в армию, после, может, квартиру дадут, да и книги писать начну». – Вот такая вот у Григория была мечта. Да, именно писатель, не бизнесмен, не архитектор, не лётчик с космонавтом, а именно писатель, просто писатель. А может быть, вообще кем угодно: сегодня летчиком, а завтра президентом, – куда только не заведёт его воображение. Гриша обычно перед сном записывал все, что происходило с ним за день. Конечно, чаще всего все было однообразно, но сегодня он посвятит этой незнакомке очень много строк в дневнике своей жизни. Эля, в свою очередь, почти так же проведет этот вечер, только не записывая, что с нею стряслось, а жалуясь абсолютно каждому на поступок этого парнишки. Начала она свой повествовательный процесс, как только расплатилась с таксистом.

Под самый пик страстей попал бомж Николай, – Эля говорила с ним до полудня. Николай в тот день напился, это

произошло после встречи с покровительницей. Следом была мама – ей досталось не так сильно.

Мама даже обронила фразу:

– Он что, тебе понравился?!

На что Элина ещё три часа доказывала маме, что такое по природе своей невозможно. Эля до вечера приговаривала, что не поедет больше в приют даже под страхом смерти. Перед тем, как лечь спать этим вечером, Эля один раз улыбнулась, вспомнив момент поцелуя, но не заметила этого, а тихо уснула. Гриша уснул, также улыбнувшись, описывая прекрасные черты лица сегодняшней виновницы его торжества.

6. Глава

Эля стояла напротив зеркала и задумчиво смотрела на черты своего красивого лица: «Ну вот зачем я такая красивая, зачем? Чтобы каждый встречный меня целовал? Лучше бы родилась уродиной – никаких поцелуев и личной жизни; все проще – проснулся утром, покушал, краситься не нужно, расческа не нужна, у отца деньги на косметику просить не надо, хотя скорее всего он бы и не дал. Ахахах, – усмехнулась девочка. – Да ну что теперь поделать, придётся терпеть».

Эля тяжело вздохнула, будто красота – это бремя.

Мимо девочки по коридору в ванную комнату проходила мама:

– Доброе утро, доча!

– Доброе утро, мамочка, – ласково-ласково сказала Элочка.

– Ну что, поедешь сегодня в приют?

– Да нет, какой приют?! О чём ты говоришь? Там этот, как его, мальчик.

– Значит, поедешь!

– Ну я обещала Евгению Брониславовичу, там же ещё и дети, в конце концов, всё ради детей.

– Хорошо, Элочка. Деньги на такси ждут тебя со вчерашнего дня на комодке.

– С чего ты решила, что я поеду?

– Я же мать, – закрывая дверь в ванную, ответила мама.

Эля была готова к своему путешествию, оставалось только надеть обувь. Она позвонила в такси и нетерпеливо ждала, ходя туда-сюда по коридору в квартире. Минут через десять раздался звонок телефона и Эля уже летела по лестнице вниз. Но пока летела, вспомнила, что забыла взять завтрак Николая.

«Ох-ох! Как я так... ну ладно, вечером покормлю».

Николай похрапывал на скамейке и снилось ему, по всему его виду, адское похмелье. То трясется, то плюётся, то дерётся – интересная картина. Если бы Эля не спешила непонятно зачем, скорее всего, бомж Николай был бы приведён в чувство и ознакомлен с нравоучительной лекцией часа так на три. Но ему сегодня везло, правда, не с едой, но лучше голодать, поверьте. Эля быстро села, закрыла глаза и открыла их, когда была уже рядом с приютом. Далее расплатилась с таксистом Эльдаром, – он всю дорогу причёсывал ей за жизнь его семьи где-то в Казахстане. Хоть Эля и являлась понимающим слушателем, но сегодня Эльдару повезло, он еще не знал, как повезло, зато я знаю – так же, как и Николаю. Эля вышла из машины и направилась к будке охранника, в этот момент Анатолий по обычаю заваривал утренний суп. Он только хотел закурить сигарету, как увидел Элю в окне своей будки. При ее виде он аккуратно положил сигарету в пачку, а пачку убрал в карман, перекрестился и накрыл свой

суп самодельной картонной крышкой, аккуратно взял ключи от дверей приюта и надел поверх формы жилетку, выйдя с улыбкой из будки.

– Здравствуйте, девушка. А я думал, вы не вернётесь.

– А я вернулась вот.

– Ну хоть не так рано, как вчера.

– Да, дети ждут, проводите меня?

– Конечно, пойдёмте. – Анатолий был очень рад, что очередная встреча с этой девушкой не принесла ему затруднений.

Он отварила двери приюта. Эля зашла как к себе домой и сразу направилась к дежурному воспитателю. Завернув в конце коридора, Элина увидела другую женщину, не ту, которая была вчера.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Элина.

– Ну, привет. А ты кто такая?

– Я музыкант...

– Аа-а... можешь не продолжать – иди в гостиную. Дети на завтраке, как придут, отправлю к тебе, – не дав договорить Эле, сказала Женщина.

Эля уже не удивлялась ничему в этом доме, так что просто пошла в гостиную. Анатолий, вечный охранник приюта, забыл запереть в будке дверь, и когда вернулся, увидел, что бездомный кот сожрал его утренний суп. Анатолий начинал думать, что ему не очень везет в жизни, когда он встречается с этой девушкой.

В этот момент Гриша сидел в столовой и доедал завтрак, который ему не принадлежал. По слухам, он предполагал, что хозяйки сегодня опять не будет, так что смело делал что хотел. Взяв поднос с остатками завтрака, Гриша положил его на стол для мытья посуды и уже направился на выход, но как только услышал мелодичную игру на рояле, застыл, как вкопанный. Секунд тридцать он просто стоял и слушал, потом началось пение. Для него это был ни с чем несравнимый тёплый, и уже знакомый голос.

«Она вернулась! – Гриша заметался. – Так, надо зубы почистить, вдруг опять целоваться придётся?» Он побежал в первую попавшуюся спальню к мальчикам и перевернул одну тумбочку вверх дном для того, чтобы найти зубную щётку. Пока он занимался личной гигиеной, Эля собрала целую аудиторию маленьких зевак. Она так красиво пела, что даже дежурный воспитатель пришёл послушать это изумительное пение.

– А я думала, что рояль нерабочий! – сказала она.

Элина полностью погрузилась в игру и пение, даже не замечая, что собрала аншлаг из беспризорников.

Гриша привёл свои гигиенические дела в норму и сразу устремился в гостиную. Весь свой путь он бежал очень быстро, но перед входом остановился, чтобы отдышаться, ему не хотелось выглядеть спешащим к ней.

Музыка разливалась и заполняла все частички воздуха, а её магия распространялась на всех в этом доме. Странно, что

в век электронной музыки детям очень понравилось необычное для них выступление. Может, это потому, что у Элины был не только талант музыкальный, но и талант располагать к себе сердца. Гриша незаметно зашёл в комнату, движением руки освободил забитый детьми диван и уселся, как принц. Мелодия почти подошла к концу, когда Эля заметила Гришу. Она думала, что говорить после того, как доиграет, но ничего не приходило на ум. Гриша же, наоборот, уже знал, что скажет. Игра остановилась, и вопрос не заставил себя ждать.

– Ты еще хочешь? – с ухмылкой спросил парень, подумав, что сейчас он ее подловит.

– Конечно, еще хочу, но прежде чем опять играть, хочу сказать пару слов детям.

Гриша думал, что застанет девушку своим вопросом врасплох, но Элина переиграла его и все подумали, что Гриша спросил про игру на рояле.

– Вы хотите так же играть и петь, вам нравится музыка?

– Да! – хором чуть ли не кричали дети.

– Вот и я когда-то услышала прекрасную игру и поняла, что музыка – это то, чем я хочу заниматься, славя этим нашего Творца и зарабатывая своей семье на хлеб.

– Да, но классической музыкой ты много не заработаешь! – с ухмылкой перебил Гриша.

– А для вас главное деньги? Материальные сокровища этого мира?

– Конечно, я хочу вырваться из этого города, стать бо-

гатым и знаменитым, сокровищ в денежном эквиваленте иметь кучу, а не твоей классической музыкой заниматься.

– Да, понимаю, но в Библии написано: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф.6:21). Вы хотите земных сокровищ, денег, стать знаменитым. Но какой в этом толк, если вы этим Богу не послужите? Эти земные сокровища вы не сможете унести с собой, когда умрете. Почему-то сегодня Эля была очень уверенной и ни одно слово Гриши ее не задело, а наоборот, эти слова навечно оставили след в его сердце.

– А, ты из этих праведных, значит, целоваться, похоже, не будем, – с улыбкой сказал Гриша.

– Не будем, но поиграть я вам смогу.

Гриша показал рукой на рояль, тем самым как бы сказал: «Ну играй, раз говоришь».

Эля была в отличном расположении духа, она играла и получала сумасшедшие эмоции, но не могла понять, почему ей нравится, когда ее слушает этот парень. Время от времени она поворачивалась на Гришу и, видя его улыбку, играла будто под допингом, таким образом она и не замечала, как потихоньку расходился народ и, наконец-то, они остались с мальчиком наедине. Закончив игру, она встала со стула, выдохнула, посмотрела на Гришу теплым взглядом и, пожимая плечами, тихо сказала: «До завтра», – и в тот момент для Гриши остановилась Планета – он полюбил эту девочку, не зная даже ее имени.

– Вы завтра придёте? – тихим дрожащим голосом спросил Григорий. Он никогда не чувствовал такого волнения.

– Да, конечно, пока не утащу отсюда пару детей – не уйду, – смеясь, сказала девушка.

«Она смеется, значит, ей нравится со мною общаться. Так, что бы спросить, какой вопрос задать?» – думал Гриша, но ответ пришёл сам собой.

– Молодой человек, а как вас зовут? Должна же я знать имя парня, с которым впервые в жизни поцеловалась!

Гриша и не думал раньше, что это может так важно прозвучать – он почувствовал стыд.

– Извините меня, правда, сваял дурака. Меня Гриша зовут, а как вас, красавица?

– Эля, Эля я, – девочка так сильно покраснела от этого банального комплимента, что ее щечки будто намазали кетчупом.

– Очень приятно. Можно вас проводить докуда вам угодно?

– Конечно, проводите меня до будки охранника.

– Без проблем, я и встречать вас по утрам могу, – подорвался с дивана Гриша. Он убрал руки за спину, потому что непонятные силы в его организме трясли эти руки.

Эля, сама того не понимая, согласилась. Они неспеша вышли из приюта и говорили о чем-то, не отрывая друг от друга глаз весь этот путь от дверей до будки охранника. В конце Гриша сказал Элечке пару красивых комплиментов, и ее

лицо засветилось очень ярко, словно последний луч угасающего заката. Гриша посадил ее в такси, а сам вприпрыжку побежал на чердак описывать ее красоту. Эту ночь мальчик не спал. Эля же в свою очередь приехала домой, и под ее раздачу попал бомж Николай, она целый час рассказывала много приятных моментов этого дня и, конечно же, все эти моменты были связаны с Гришей. Потом девочка поднялась наверх и рассказала все то же самое маме. Мама сказала, что испытывает дежавю, и почему-то расплакалась, но слезы эти не были слезами горя, просто маме это напомнило ее первое знакомство с молодым человеком – с папой Эли. Эля легла в кровать, но не могла уснуть и всю ночь писала стихи. Все это было будто чудом, даром свыше – в эту ночь Бог подарил еще один талант этой девочке.

По прошествии бессонной ночи Гриша и Эля с самого утра ждали, когда встретятся снова: Он думал о том, что будет слушать, как поёт Элечка, и мечтать о ней. Она же думала, как будет смотреть в бездонные глаза Гриши и не захочет отпускать его.

У Эли прозвенел будильник, и она вскочила, быстро одеваясь на ходу. «Так, надо бы чуть-чуть подкраситься, покушать, собраться». – Мысли заметались в голове Эли как бомбардировщики над Сталинградом. Элечка словно заведенная носилась по дому, она даже выпила чашечку горячего кофе, который раньше и не пробовала. Впервые в своей жизни Эля была готова за час. Оставшееся время она просто си-

дела на своем привычном месте – комодe.

Парень же, наоборот, как стало рассветать, решил немного подремать, потому что у него очень устали глаза, ведь он писал, грубо говоря, при свечке. Щель в шифере и огромная луна были единственными помощниками Гриши в этой ночи. Когда Гриша уснул, то увидел странный сон: поле, он сам, Эля... вроде ночь, но видно всё, как днём: звезды сияют, тихий ветер доносит запах стоящей перед ним девушки, этот вкусный, ни с чем не сравнимый аромат сухих цветов. Он смотрит в ее глаза, она в его, и планета начинает вращаться так быстро, что время теряет смысл: все идеально – они навечно остаются вместе и они счастливы, но вдруг все пропадает и Гриша попадает промеж двух миров: слева стоит Эля все в том же райском поле и протягивает ему руку, смотря на Гришу глазами, наполненными любовью. И справа он видит огромную сцену – на сцене ведущий с литературной золотой премией, там много людей – все радуются за парня, ведь у него много денег, популярность и признание мира. Тот человек на сцене зовёт его и манит рукой: «Вот, – говорит он. – Это все, о чем ты всегда мечтал – тебе только нужно протянуть руку, и это будет твоим». Он посмотрел на Элю, потом на ведущего и проснулся в холодном поту. «Это наркомания какая-то».

Он посмотрел на часы и понял, что поспал всего час, но засыпать снова он не хотел, этот необычный сон остался в памяти Гриши, – что было странно, потому что обычно он

забывал сны. Грише не хотелось больше спать, поэтому он решил подкараулить Элину и спустился по лестнице вниз. Эля в этот момент кормила бездомного друга и спрашивала совета, на что полупьяный Николай не смог дать чёткого ответа. Попрощавшись с Николаем, Эля вызвала такси.

Гриша стоял и настукивал в дверь будки охранника, но не слышал ответа.

– Анатолий, ты где? Выходи. – А в ответ тишина.

Гриша снова постучал в дверь, и снова, но никто не открывал.

Вдруг позади послышался голос:

– Ты что ломишься? – хрипло, застегивая жилетку, сказал Анатолий.

– Доброе утро. Да я предупредить вас хотел, что сегодня, возможно, пару раз выйду отсюда, чтобы не доставить вам проблем.

– А-а, ты за это говоришь, тогда не беспокойся, хозяйка укатила на юга, так что живи без проблем, гуляй, когда хочешь, пока не приедет.

– Спасибо, с меня пачка ваших любимых, как всегда.

– Да брось, не за что. Я сам рад, что она укатила. Хоть спал сегодня не в будке.

Оба посмеялись, и охранник зашёл в будку, в этот момент подъехало такси. И из дверей машины вышла Эля. Гриша стоял и смотрел на нее как на предмет обожания, он не видел девушки красивее, чем она. Даже просто смотря на нее,

он получал удовольствие. Когда такое было? Да никогда, это было впервые и навсегда. Элочка тоже быстро нашла его глазами и не могла сдержать улыбки, она улыбалась так, будто она сумасшедшая. Она была вся красная, но впервые в жизни ее не смущало, как на нее посмотрят другие и что подумают о ней. Она просто хотела быть рядом. Даже на расстоянии Эля чувствовала, что этот человек ее греет. Девочка не могла понять, как быстро она могла так наполниться симпатией к этому человеку, также как и не могла понять, почему не может оторвать взгляда.

Они стояли и улыбались минут десять, не произнося ни слова. Охранник Анатолий поднял голову от своего сканворда и посмотрел в окно будки, там увидел дико улыбающуюся девушку – ту же девушку, что загубила ему не один приём пищи. Он снова перекрестился и решил, что не будет больше выходить к ней, посмотрел на чай в стакане, стоящий на его сканворде, и от греха подальше выбросил чай в мусорное ведро со словами: «Хотя бы так обману судьбу».

В этот момент на улице царил гармония. Птички пели, распускались деревья, цветы, утреннее солнце грело лица наших героев.

Гриша решил на первый шаг:

– Привет, Эля, – ласково сказал мальчик.

– Привет, Гриша, – еле выдавила из себя Эля. Казалось, будто что-то застряло в горле у девушки.

Но зато способность бегать Эля не утратила, поэтому она

не раздумывая рванула вперед в объятия Гриши. Девочка сама не ожидала от себя такого поступка, но было поздно думать – она уже прижималась лицом к его груди.

Мальчика не смутило такое поведение девочки, и он сам нежно обнял её. Эля тихо прошептала прямо в сердце Грише будто в микрофон:

– Привет, Гриша...

– Привет-привет. – Уже дрожал его голос.

Оба стояли так еще минут пять, а гармония царила вокруг до тех пор, пока охранник не решил выйти из будки, чтобы открыть дверь в приют. Анатолий вышел, увидел Элю и зашел обратно, оставив ключи от приюта на гвоздике возле двери будки, и только его голос послышался:

– Гриша! Если тебя не затруднит, открой, пожалуйста, приют! Что-то мне не хочется выходить. Ключи на гвоздике.

– Хорошо. Конечно, открою. – Гриша посмотрел сверху на Элечку и осторожно приподнял ее голову, чтобы посмотреть в глаза. Эля не сопротивлялась, но предупредила:

– Только, пожалуйста, не нужно меня целовать!

Гриша рассмеялся:

– Не буду, не бойся, я просто хотел тебе сказать, что нужно открыть приют.

– Хорошо, пойдём.

Они открыли приют, и Гриша спросил:

– Ты будешь сегодня играть?

– Да, конечно, пару часов, но нужно записать, сколько де-

тей хотят к нам поступить, а то получается, что я просто так сюда езжу.

Хотя на самом деле девочка знала, что теперь у неё есть ещё одна причина ездить сюда – Гриша. Но ему она об этом не сказала.

– Почему же просто так, сегодня ты приехала ко мне и, боюсь, больше не уедешь.

– Ты маньяк? – с волнением спросила девочка.

– Нет, просто ты запала в мое сердце.

– А почему тогда боишься? – улыбаясь сказала девочка.

– Потому что я этого не планировал!

Оба промолчали. Да и не нужно было слов. В некоторых ситуациях молчание заменяет слова. И Эля поняла, что именно молчание их сблизило. Она снова уселась за рояль и играла так, как никогда до этого не играла.

Дети были в таком восторге, что все записались. Что уж говорить, даже уборщица Раиса в своём преклонном возрасте захотела поступить, только не получилось бы. Гриша слушал так внимательно, что даже не пошевелился, поэтому воспитательницы очень удивлялись: «Был такой балбес, а сейчас сидит и слушает классику». Сегодня Эля делала многое в первый раз: так же, как в первый раз обняла мальчика, она в первый раз заставила беспризорника пустить слезу при всех, этим удивив воспитателей; в первый раз повлияла на толпу таким образом, что подбила их заниматься музыкой и, самое главное, первый раз полюбила.

Гриша же сидел как пригвожденный своими чувствами к дивану и не мог пошевелиться. Мальчик только думал о том, как же он мог так влипнуть, да еще так, что и отлипнуть не захочется. После выступления наши голубки отправились гулять в парк и оба провели один из лучших дней в своей жизни. Эля рассказывала Грише о своей семье, рассказала о бабушке – старом немце, и что скоро поедет к нему в гости, рассказывала о Боге, о Его жертве на кресте, но это он пропускал мимо ушей. Рассказывала про пастора церкви, его историю. Гриша же, наоборот, ничего не рассказывал о себе. Ему было стыдно и грустно, что у него никого нет, что он просто никому не нужный Гриша Некрасов из Тамбовского приюта для сирот.

Эля заметила, как он загрустил после ее рассказа и, решив взбодрить его, остановилась, увидела лавочку в парке, запрыгнула на нее, став выше Гриши, и сказала:

– Подойди, что тебе на ушко скажу.

Гриша улыбнулся и подошел ближе.

Эля обняла его и нежно прошептала на ухо:

– О чем ты мечтаешь?

Гриша рассказал все, что хотел от жизни в красочных подробностях. Все, о чем мечтал, про все ночи, проведенные в приюте:

«Самое мое большое и главное желание – хотя бы раз обнять родителей, хотя бы один раз... – с накатившими слезами сказал Гриша. – Пускай я не видел их кучу лет, пускай

они забыли про меня, пускай я столько ночей по ним скупал, пускай. Мне все равно, мне просто хотя бы раз обнять их...» Грише так хотелось хотя бы один раз в жизни побыть в ласковых объятиях мамы, хотя бы раз съездить с отцом на рыбалку, хотя бы раз подразнить маленькую сестрёнку, хотя бы один раз...

Эля обняла Гришу еще сильнее:

– А тебя обрадует, если я скажу тебе, что никогда ни к кому не чувствовала ничего подобного, как к тебе? Обрадует, если я скажу, что дальнейшей жизни без тебя не вижу? Тебя обрадует, если скажу, что сегодня я тебя полюбила? – тихо, с мокрыми от слез глазами сказала Эля.

Гриша настолько был рад, что не смог произнести и слова. Но слов было не нужно, потому что снова и снова за этих двоих говорило их молчание. Молчание помогало и лечило.

Гриша обзавелся тем, о чем он даже не мечтал, а Эля чувствовала особую любовь, которая будила в ней таланты, которая пробуждала вдохновение в юной девушке. «Одиночество ушло, – шептала Эля на ухо Грише. – Я с тобой, не бойся. Я никуда не уйду». И Гриша верил этим словам, верил так, как никогда в жизни ни во что не верил. От эмоциональности этого момента Гриша поднял свою голову с плечика Эли и снова оказался на расстоянии поцелуя.

– Меня целовать не нужно, – снова повторила Эля.

Гриша опять засмеялся и сказал:

– Похоже, я больше тебя не поцелую.

Эля ответила:

– Ты меня нет, а я тебя да.

И сердечко Эли наполнилось любовью – она поцеловала Гришу сама.

Если бы в душах людей были резервуары для любви, у этой парочки било бы фонтаном.

Даже если бы рядом взорвалась ядерная бомба, этот фонтан ее затушил и ничего не смогло бы помешать этому чуду. Вот и мы не будем.

Поцелуй прошёл, сердца влюблённых колотились, как поршни в двигателе мощного гоночного болида. Эля почувствовала, что ее ноги немеют, и сказала об этом Грише.

Он взял Элю на руки и остаток дня она провела в его объятиях.

Гриша с Элей сильно радовались, но очень взгрустнули, когда стало смеркаться, и Элечка сказала, что ей нужно домой. Гриша принёс её к будке охранника на уже штатное место, они договорились о встрече завтра тут же, а Эля обещала сводить Гришу в церковь. Подъехало такси, и Гриша заботливо посадил ее на пассажирское место.

– До завтра, милая.

– До завтра.

Вот так попрощались с друг другом влюблённые детишки. Гриша очень устал и сразу пошёл на чердак в поисках снов. Эля же ехала в машине и не могла перестать думать о Грише, но на этот раз она молчала.

Молча ехала, молча прошла мимо Николая, молча зашла домой, уселась на свою кровать и позвонила подруге – ей было очень важно, что по этому поводу скажет Настя.

Больше часа подруга возмущалась, а Эля плакала, потом рассказывала, какой на самом деле Гриша хороший, и снова плакала.

Ей было горько и больно, что подруга, не зная этого человека, так осуждает его, плюс ко всему в этот вечер звонил дедушка Эли, но Эля отказалась говорить с ним по причине заплаканной души.

Она не могла предстать перед дедом в таком расположении духа. Конечно же, старый композитор расстроился, но передал Элине, чтобы она на полгода раньше прилетела в Германию. Конечно же, эта новость очень взбодрила девочку, но спать она легла с тяжестью на сердце.

Следующая неделя пролетела незаметно, но это была неделя счастья и радости – Эля познакомила Гришу с мамой и с пастором. Они много времени проводили вместе, но для влюблённых никогда не бывает много времени, не так ли? Маме и пастору очень понравился Гриша. И этих двоих не смущало его происхождение.

Единственный, но тем не менее важный недостаток его был в том, что он не верил в Господа Бога. Когда Эля спрашивала, почему, Гриша отвечал, что если бы Бог был, то вернул ему хотя бы отца, на что Эля не могла ничего противопоставить. Но тем не менее они любили друг друга, и Гриша

с недовольством вырывал пролетающие как самолёты дни в календаре, – вот так и закончилась неделя совместного счастья, неделя незабываемой любви. А с концом приблизился отъезд Гриши в армию. Он никак не мог сказать об этом Эле, ведь смотря на то, как она счастлива, он боялся лишиться её этого счастья. В это время Эля сочиняла такие произведения, при прослушивании которых ее дедушка садился на задницу от восхищения точно также, как и Евгений Брониславович. У них было лишь единственное различие – один садился на задницу в Германии, а другой в России, но делали они это в унисон под сладкие произведения юного дарования.

Сидя в Европе, дед понимал, что такого таланта, как у его юной внучки, он не встречал на своем веку. А чтобы вы понимали, он встречался со всеми самородками в музыкальной индустрии. Когда дедушка в первый раз услышал то, что ему прислала внучка, он сказал, что этот талант нельзя терять, а Эля ответила: «Эту любовь нельзя терять».

За эту неделю дедушка снова позвонил и попросил, чтобы Эля прилетала уже через месяц, на что Эля отказалась.

Дедушка очень расстроился и обиделся так, что даже не брал телефон, когда звонил сын.

Гриша в тот вечер сидел на чердаке и думал о Эле. Разные мысли приходили ему в голову. «Может, загаситься от армии? Да не, не вариант». Гриша не знал, что и делать, пока не увидел из окна чердака быстро бегущую девушку. Он

сразу узнал свою Элечку по ее светлым волосам и поспешил спуститься.

– Куда бежишь? – спускаясь по лестнице, крикнул Гриша.

– К тебе, дорогой мой. Новости у меня к тебе.

– Да, у меня тоже, – прыгнув с последней ступеньки и подхватив на руки девочку, сказал Гриша.

Они оба очень радостно обнялись перед тем, как он поставил ее на пол.

– Гриш, я хотела тебе сказать... помнишь, я говорила, что поеду через полгода в Германию на обучение к дедушке?

– Конечно помню, милая.

– Так вот, он предложил поехать к нему раньше.

– Насколько раньше?

– Через месяц!

– И что ты сказала?

– Я отказалась... Отказалась, чтобы быть с тобою.

Гриша взял руку Элины двумя руками и нежно поцеловал её.

– Дело в том, что, девочка моя, послезавтра я ухожу в армию.

– Как в армию? Ты, наверное, шутишь! Я знаю, ты любишь шутить! Гриша, не смешно.

– Элечка, послушай!

Эля выдернула руку из рук Гриши.

– Почему ты не сказал? – заплакала Эля.

– Девочка моя, не плачь. Мы переживем это. Я обещаю

тебе, малыш.

– Переживем? Уверен?

– Да, милая, – трясущимися руками пытался поймать Элю Гриша.

– Я не смогу без тебя долго, я чувствую, что не смогу!

– Сможешь, Элечка, сможешь. Я очень сильно люблю тебя, больше своей жизни. Обещаю, что вернусь к тебе, милая.

– Сколько у нас еще времени? – спросила Эля и дала рукам Гриши прижать ее к сердцу.

– Еще завтра весь день!

– Мы проведем его вместе?

– Обещаю, милая. И все же тебе стоит полететь в Германию. Тебе это нужно, милая.

Было уже поздно, а надо было еще отправить сообщение дедушке о том, что Эля придет, поэтому Гриша посадил Элю на такси, хотя ему меньше всего хотелось этого. Он хотел остаться с ней навечно, но выбора не было. Нужно было отпустить, чтобы встретиться вновь.

Глава 7.

Всю ночь девочка плакала в подушку, а Гриша пустыми глазами смотрел в щель шифера, наблюдая за звёздным мрачным небом. В его глазах отражалась всего одна звезда, которую он назвал именем своей любимой девочки и которая будет согревать его на протяжении всей службы в армии. Вторую половину ночи Гришу заливало дождем, и он не мог даже подумать, как будет плохо ему без этой девочки. Гриша думал только о боли, которую причиняет Элечке его жизнь. Он лежал на чердаке в другом конце города от Эли, но чувствовал, как каждая ее слезинка падала на мокрую подушку. Душу его рвало на части от сожаления, что причиняет ей боль. Пару раз за ночь Грише даже приходила мысль о том, что лучше бы они никогда и не встретились, но потом он раскаивался в своих мыслях, потому что не было никого на земле по-настоящему дорогого для него. Эля заменила ему семью, которой у него никогда не было, да и, признаться честно, уже не будет. С появлением этой девочки Гриша понял, что важно для него по-настоящему – важна её жизнь, а все остальное – прах и суета. Где-то под утро Гриша уснул, и не секундой раньше и не секундой позже на другом конце города перестала плакать его любовь. Эля не смогла уснуть, но приложила большие усилия, чтобы привести своё лицо в порядок. Ей еще не было так плохо, да и опыта не было,

не было сил, чтобы найти лазейку к тому, чтобы успокоить свою бурлящую тоской душу. Она молилась, плакала и снова молилась. Позже девочке стало легче, и она приняла душ, неоднократно вытирая лицо рукой, чтобы как-то смыть следы от рек соленых слёз. Выйдя из ванны, она выпила утренний отцовский кофе, собралась, насколько быстро ей позволяли остатки сил, взяла бутерброд, приготовленный для Николая, и с мыслью, что хоть сегодня не забудет его покормить, молча, не сказав ни слова, вышла из квартиры. Пока Эля шла по лестнице вниз, она вспоминала разговор с дедом накануне и то, как он обрадовался, когда сказала, что прилетит через две недели. Она вспоминала каждое слово деда, вспоминала его плохой русский и поняла, что не нужна ей ни Германия, ни музыка, что ничего не нужно кроме Гриши, прижимающего девочку к своему сердцу. А рядом с его сердцем так спокойно, что снова хочется петь и плакать. А плакать только от счастья – сладкими слезами.

Эля вышла из подъезда, посмотрела на свинцовое небо и на лужи под этим небом – всю ночь небеса плакали вместе с Элей, не хотев разлучать эту любовь. Эля осмотрелась по сторонам, но не увидела Николая. «Наверное, куда-то ушёл из-за дождя».

Эля оставила бутерброд на скамейке и вызвала такси. У девочки был сюрприз, даже несколько сюрпризов для Гриши, но она боялась, что из-за погоды один сюрприз не удастся.

Дождавшись машины, она села и первый раз в жизни поторопила водителя, даже не заметив этого. Гриша проснулся от пения птиц и тихо прошептал: «Последний день с Элочкой, нужно провести его так, как она захочет». Он не спеша спустился вниз, привел в порядок внешний вид, снял с сушилки постиранные вчера вещи и поднялся обратно на чердак. Внимательно проверил все документы и вещи, ведь завтра ему рано утром уезжать в военкомат. Так, все готово, остались последние штрихи во внешнем виде, он поправил волосы: «Все, готов». Гриша снова спустился вниз и пошёл к будке охранника, Анатолий в этот момент цедил сквозь прокуренные зубы свой чай. После этих неудач по утрам он решил менять свою жизнь: бросил курить и заменил утренний кофе чаем, также перестал есть супы быстрого приготовления. Гриша, подойдя к будке, аккуратно постучал, на что Анатолий даже не дёрнулся, а спокойно ответил с французским акцентом:

– Кто там?

– Это Гриша, хотел сказать вам, что ухожу завтра утром в армию и вряд ли больше вернусь.

Анатолий вышел из будки, почти не скрипя дверью и суставами.

– Молодец, служба – это хорошо.

И протянул руку Грише. Мальчик крепко пожал руку и пожелал удачи старому охраннику, на что Анатолий вежливо кивнул головой и вернулся в будку допивать свой чай.

Приехало такси. Не выходя из машины, Эля махнула Грише рукой, приглашая сесть.

Гриша быстрым шагом подошёл к машине и открыл дверь.

– Девочка моя, а что, мы гулять не пойдём?

– Пойдём, Гришенька! Только подожди чуть-чуть. У меня сюрприз. Сядь, пожалуйста, в машину.

Гриша сел в машину и поцеловал Элю в щёку. Такси тронулось, и Гриша спросил:

– Куда едем?

– Не беспокойся, мальчик мой, сейчас все увидишь! Не волнуйся.

– Да я не волнуюсь, просто мне так непривычно.

– Лучше возьми мою руку.

Гриша молча взял ее руку и не мог насладиться моментом. Его расстраивало, что скоро он лишится Эли, мальчик очень страдал от этого.

Таксист Эльдар остановил машину и спросил:

– Здесь?

Девочка ответила: «Да», – и протянула ему купюру.

Молодая парочка вышла на улицу, и Гриша спросил:

– А что мы тут делаем? Что это за супермаркет?

– Да какая разница, – радостно улыбаясь, говорила Эля. – Отсюда до моего дома двенадцать километров по окружной, и сегодня мы с тобою пройдем этот путь пешком вдвоём.

– Эль, мы последний день вместе, и ты хочешь провести его идя по лугам и лесам?

– Это будет здорово, мальчик мой, ты сам все увидишь!

Гриша ничего не мог сделать кроме как подчиниться. И вот они уже в пути. Первый час ребята просто болтали и наслаждались обществом друг друга, пытаясь не затрагивать тему скорейшего отъезда. Эля то шла пешком, то Гриша нёс ее на руках, вдыхая ее запах. Они шли по дороге вдоль леса, и наконец-то лесная полоса закончилась. Гриша увидел реку, а за рекою луг. Необычайной красоты небеса лучами солнца открыли облака, как витрину магазина, и устремились освещать землю и путь этой молодой пары. Вдруг Гриша сказал:

– Побежали на поле, милая, быстрее.

Он схватил за руку Элю, и они побежали на поле через реку по мосту.

Эля увидела необыкновенные молодые ромашки и, словно ветер, рванула из-за спины Гриши прямо в них. Она кружилась в танце и напевала мелодию песни, которая была неизвестна Грише, но этот момент был самым прекрасным из всей суровой жизни юного сироты. Гриша понял, что он не успел выбрать в том сне, который приснился ему пару дней назад. Он подбежал к Эле, ласково взял её руки и вместе с ней кружился, как торнадо, крича в небо:

– Я выберу её! Всегда выберу её!

Эля не понимала, что это значит, но и не хотела спрашивать, потому что была навечно заложена в сердце Гриши, а счастье переполняло ее изнутри. Вдруг Гриша остановился, остановив и Элю. Он прошел взглядом каждый сантиметр ее

красивого лица.

– Ты чего, Гриша, ты чего остановился?

– Пытаюсь запомнить!

– Что запомнить?

– В подробностях твоё лицо...

И на глаза Гриши накатились слёзы.

Ребята около получаса просто стояли в поле и смотрели друг на друга, потом Гриша прижал Элину голову к своей груди и сказал:

– Я хочу навечно остаться с тобою в этом поле, мне ничего не нужно, кроме тебя. Моя душа – твоя душа, забирай. Всего себя отдаю тебе.

– Знаю, знаю, милый, я тоже полностью твоя, в твоих глазах я нахожу все, чего мне не хватает. Твои глаза – мои океаны, настолько чистые океаны, что я вижу, как ты меня любишь, и это знание помогает мне жить и верить, что ты ко мне вернёшься, а сейчас я хочу подарить тебе стих собственного сочинения специально для тебя, дорогой.

Эля достала из сумочки конвертик и протянула Грише.

– Можно, я сейчас прочитаю? – спросил мальчик.

– Как пожелаешь, моя любовь.

Гриша аккуратными движениями пальцев распечатал конверт и достал листочек из бархатной бумаги, наощупь будто чистый хлопок. Парню уже было очень приятно, ведь ему никто не делал подарков прежде. Он развернул листок и прочитал: «Посвящается моей вечной любви».

- О, мне уже нравится! – с улыбкой сказал Гриша.
- Читай, Гриша! – с нетерпением произнесла Эля.
- Хорошо.

12. Тебе...

Ты улыбнешься – улыбнусь и я,
Пусть не видимся мы хоть годами,
Ты взгрустнешь, и грусть окутает меня,
И совсем неважно, что там между нами...

Важно чувствовать родное сердце рядом,
Даже если далеко оно, затем
Вечером весенним, теплым взглядом
Провожать тебя, спросив: «Ты насовсем?»

Хочется сказать тебе, что не забуду...
Теплые и нежные слова,
Ведь твой голос – он со мной повсюду,
Даже если рядом нет тебя...

Я всегда с тобою, друг мой,
Также, как и ты всегда со мной,
И однажды, может быть, зимою лютой,

Обещаю, встретимся с тобой!

– Очень сильно, – сказал Гриша. – А почему друг мой, а не моя любовь?

– Гриша, не порти момент, я обещаю, что это не последний стих тебе!

– Да-а... он обалденный, правда, ничего подобного для меня никто не делал, и я очень рад, что таков первый в моей жизни подарок от тебя. И кстати, что там за цифра в начале стиха? Двенадцать? Это к чему вообще?

– Я тебе все расскажу, но в своё время, – взяв за руки Гришу, ласковым голосом сказала девочка.

Сегодня эти оба были очень счастливы, а этот день принёс им массу радости, массу тёплых чувств. Ребята шагали по дороге и смеялись, а праздничный путь семейства Вебер стал дорогой Элиной Любви. В скором времени они дошли до дома девочки, и Эля предложила зайти в дом и познакомиться с теми, с кем Гриша еще не имел чести встретиться. Мальчик долго отпирался и говорил, что это лишнее, что так не стоит проводить последние часы вместе, но Эля настаивала так сильно, что недолгое сопротивление Гриши было сломано. Идя к подъезду, Эля заметила, что Николай до сих пор не появился. Она решила рассказать Грише о том, каким хорошим другом ей приходится Николай. Гриша, недолго думая, выдвинул идею найти бездомного. «Все же это лучше, чем знакомиться с отцом девушки, пока за душой ни цен-

та», – подумал Гриша. Эля по своей доброте согласилась, и они выдвинулись на поиски бомжа, но недолго пришлось его искать, – он валялся возле дома напротив, в клумбе с цветами. Гриша аккуратно перевернул его с живота на спину и пощупал пульс.

– Живой он, но по лицу видно, что его побили, он еле дышит, тут скорая нужна.

Эля молча с глазами, полными слез, вызвала скорую, которая, как ни странно, не заставила себя ждать и уже спустя полчаса приехала. Медики долго не соглашались забирать бомжа, но у Гриши был дар убеждения. По предварительному заключению врача, Николай потерял много крови, так что нужно было приехать в больницу и определить группу крови.

По приезду в больницу Гриша сразу пошёл к главному врачу и объяснил ему, что нужно делать, и как стоит относиться к бездомному. Врач сразу все понял и оказал достойное внимание сему аспекту. Недолго определялась группа крови – четвертая отрицательная, но такой группы крови в наличии не было. Тут Эля закричала:

– Возьмите мою, у меня четвертая отрицательная! Возьмите, вот! – вытянув руку вперед, потребовала Эля.

– Может, не надо? – тихо сказал Гриша.

– Надо... надо, не волнуйся.

Элю сразу положили на кушетку для забора крови, и медсестра подошла к ней с тонометром. После измерения мед-

сестра сообщила Элине, что у нее слишком пониженное давление. Григорий влез в диалог и заявил, что никакой передачи крови не будет. На что Эля возразила:

– Ну Гриша! Ему же будет плохо!

– Так, ладно, что-нибудь придумаем! Можно мне узнать, какая у меня кровь?

– Конечно, – ответила медсестра. – Но вы же понимаете, что шансов, что у вас такая же кровь, немного!

– Да-да, давайте! – с нетерпением промолвил мальчик.

У Григория взяли анализ крови и вскоре медсестра снова подошла:

– Ну, знаете, я еще не видела, чтобы людям так везло! У вас тоже четвертая отрицательная.

Эля запрыгала от радости, а Гриша молча лег на кушетку для переливания крови. Прошло около двадцати минут, и Николай стал открывать глаза. Гришу отсоединили от аппарата, и он сразу спросил у Эли:

– Ну что, ты рада?

– Ты мой герой, – с милой улыбкой произнесла Гриши Элина.

Гриша еще раз поговорил с главным врачом с глазу на глаз, и Николая оставили в больнице на два дня, а Эля не переставала светиться как новогодняя ёлка. С этими делами они и не заметили, как их последний день подошёл к концу и на улице потемнело. Эля, выйдя из больницы, заплакала. Гриша долго пытался успокаивать ее, хотя ему тоже нужно

было успокоение. Девочка вызвала такси, и через полчаса они были у подъезда Элины. Гриша обнял Элю и стал рассказывать, как он вернется к ней, он описывал ей их будущую жизнь, а Эля стояла и представляла эти картины. Так, мечтая и смотря друг на друга, ребята не заметили, как прошёл еще час. Грише пора было возвращаться на чердак, чтобы хоть чуть-чуть выспаться перед будущей службой. Эля это прекрасно понимала, но не хотела его отпускать. Гриша вытащил из кармана записку и отдал Эле.

– Что это? – спросила девочка.

– Это записка, которую оставили вместе со мной на пороге приюта мои родители.

Эля открыла записку, и почерк показался ей очень знакомым. Но больше всего ее трогали слова в этой записке: «Мы тебя любим и обязательно отыщем».

– Гриша, возьми, это твое, забери, мне не нужно, это твоя память о них.

– Я хочу, чтобы она была у тебя и напоминала о моей вечной любви к тебе. При следующей встрече я у тебя заберу ее, и мы больше никогда не расстанемся.

Эля снова заплакала, а Гриша поцеловал ее в губы и, развернувшись, ушел в темноту. Эля с новой силой заплакала и протянула руку в ту самую ночную тьму, куда будто безвозвратно спрыгнула её любовь. Гриша уходил с каждым шагом все дальше и дальше, а слезы сдавливали его сердце. Чем дальше Гриша уходил, тем сильнее были слёзы, он этого не

хотел, но выбора не было.

8. Глава

Всю ночь Эля плакала, волновалась и переживала. Каждая потерянная слеза приравнивалась к году жизни. В эту ночь девочка состарилась будто бы на вечность. «Сейчас бы его глаза, хотя бы на момент, и все пришло бы в своё русло». Но у девочки не было даже и мысли о том, что она увидит его, дай Бог, только через год. Эти мысли душили Элю, ей не хватало кислорода. Никому не пожелать таких горьких приливов отчаяния. Это больно настолько, что невозможно совладать с собою. Поэтому остаётся только молиться. И она молилась. Настало утро, шесть часов: «Он, наверное, уже в военкомате, а я даже не могу приехать», – говорила Эля. Дело в том, что Гриша заранее сказал Элечке не приезжать провожать его утром, чтобы обоим не было так больно. От этого ей было ещё хуже, но она понимала, что это лучший вариант из всех. Эля с трудом встала с постели и подошла к окну, чтобы, смотря на природу, бесконечно перематывать в памяти эти прекрасные одиннадцать дней, проведённые вместе со своей любовью. Она вспоминала его глаза, вспоминала то, что она теряла равновесие и чувство рассудка, когда он смотрел на нее. Каждый взгляд его проникал куда-то внутрь, в душу. А его сильные руки, они с такой лёгкостью носили девочку, с такой теплотой держали её, что ни одна тревога не зашла в

душу – только бы находиться рядом. Вспоминала, как своими крошечными пальцами трогала его тёмные волосы, эти жёсткие, непроходимые, как тайга, локоны. «Наверное, он уже лысый», – улыбнувшись, подумала девушка. От воспоминаний этих моментов действительно становилось теплее, даже иногда казалось, что Гриша зовет её по имени где-то в другой комнате. Эля оборачивалась, но вспоминала, что это невозможно. Вспоминала последний разговор: как сказала, что будет писать письма два раза в месяц, что будет писать о том, как не забудет, как дождётся, как не растеряет ни капли любви к нему, хоть пройдёт и сотня лет, – все равно буду любить, – вот так она говорила вчерашним вечером.

Гриша в этот момент совершенно один сидел в военкомате и ждал, пока его переоденут в форму. Тяжёлая голова и ещё более тяжёлые мысли. От тоски он хотел просто выйти и не возвращаться обратно, но понимал, что новые решения не отменяют старых обязанностей. Он понимал, что его судьба конкретно повернулась в сторону и мечта его превращается в пыль, но определённо точно он знал, что без этой девушки больше не обойтись, он знал, что он влюбился раз и навсегда. Ему, в принципе, было уже абсолютно все равно: как, куда, где жить... главное, чтобы рядом была Элочка. Гриша знал, что это первый человек, которого он поставил выше себя и своих убеждений, принципов и, самое важное, – своей мечты. Если бы Эля позвонила ему и сказала: «На меня напали хулиганы», – а Гриша был бы на другом конце России в ар-

мии, он бы босой по снегу пошёл бы за их душами. Он сидел, ковыряя дырявый линолеум у себя под ногой, и думал: «Почему всё именно так происходит?»

Тогда к нему подошел офицер:

– Ты Некрасов?

– Так точно.

– Так, иди переодеваться в двенадцатый кабинет, потом в двадцать четвертый, там узнаешь, куда тебя определяют. Все понял?!

– Так точно.

– Выполняй.

Гриша быстрым шагом направился в кабинет под номером двенадцать, где его уже ждала новая форма, а вместе с формой и новая жизнь. Следующие две недели пролетели как кадры фильма, Гриша назвал их адаптацией. Перелёт осуществлялся в город Калининград. Мотострелковый полк, четыре драки, девять конфликтов за три дня, – добро пожаловать в русскую армию. И вот через двенадцать дней службы Гриша дописывает первое письмо. Оно было о том, как он скучает по Элечке, и о том, что если бы не было её в его жизни, он бы дрался чаще, чем сейчас. Гриша описал в подробностях еду и своего командира взвода, которого он шутя называл котлетой из-за лишних девяноста килограмм. Сказал, что вспоминает, как нежно смотрел на нее и как сильно хочет обнять, и что в принципе приют и армия ничем не отличаются по своей сути, «только в приюте еще и стреля-

ют», – шутил он.

Гриша очень жалел, что у него нет телефона и он не может позвонить Эле, чтобы узнать, как же она там. Но и договоренность у них была только на письма, – Гриша сам это предложил, хотя девочка хотела ему подарить свой старый телефон, но, конечно же, он отказался.

В это время Эля уже прилетела к дедушке. Как же хорошо, что она дала Грише адрес в Германии и он сразу сможет писать туда. Все это время Элечка места себе не находила, она не знала, где Гриша, куда он попал. Оставалось только ждать письмо, чтобы скорее отправить своё, написанное еще в первый день их разлуки.

В воскресенье утром девочка сидела на кухне в квартире её деда, когда он первый раз более-менее поговорил с внучкой. Он спросил о ее мечтах, о здоровье и немного предался воспоминаниям о бабушке. В целом Элине понравилась беседа, правда до того момента, когда дедушка Карл Вебер стал говорить, что им предстоит жутко много работать. Эля, конечно, любила играть и петь, но не в тот момент, когда каждая мысль была о Грише, а каждую ночь ее подушка превращалась сначала в болото из боли, а потом в каток из-за льда, – настолько она мерзла без его взгляда. Прошла еще неделя, прежде чем таким же утром, сидя на кухне, Эля услышала стук в дверь. Она подумала: «Как обычно, принесли молоко», – но услышала своё имя.

Она выглянула из кухни в коридор – там у двери стоял

почтальон. Эля как пуля подскочила к нему, выдернула из рук конверт и взлетела обратно на кухню. За ней по пятам зашёл дедушка Карл и на плохом русском сказал, что так не вежливо. Эля вернулась обратно и попросила прощения, сказав, что больше так не будет и что, если нужно, она сама готова забирать письма на почте.

После чего вернулась на кухню, где с трепещущим чувством сначала открыла конверт, потом понюхала и осмотрела вдоль и поперек, а потом уже принялась читать. Эля запомнила каждую точку, запомнила, сколько раз он сказал, что любит её и сколько раз сказал, что скучает. Эля была настолько радостная, что удивила даже деда. Он думал: «Всю неделю ходит как баба-яга – вечно недовольная, песни связать не может, а игра на фортепиано так вообще никудышная, а сейчас Эля радостная. Ну ладно, посмотрим, что будет».

Эля раз двенадцать перечитала письмо, быстро переписала адрес на свой конверт и поспешила отправить. Содержание было особенным, она боялась, что вдруг Гриша не почувствует всей важности ее письма; она думала, что вдруг он не поймёт того важнейшего, что написано между строчек ее красиво выведенных предложений. Но как только Грише пришло первое письмо от Элины, у него затряслись колени, а в его улыбке мог побриться любой офицер, не пропустив ни одного волосочка. Гриша стоял, держа в руках письмо, он просмотрел на него вдоль и поперёк, понюхал – пахло Элей,

и еле сдержался, потому что хотел прочитать вечером перед сном, чтобы ему приснилась Эля. Он еле дождался вечера и аккуратно раскрыл конверт, на момент ему показалось, что из конверта что-то вылетело, будто вместе с письмом Эля отправила ему кусочек своей души. Ну вот долгожданное письмо было вынуто из конверта, и Гриша аккуратно развернул его. Эля описывала свои переживания в первые минуты расставания, описывала сильную любовь к нему; просила, чтобы мальчик попробовал обратиться к Богу и покаяться, но эту просьбу он пропустил мимо ушей, будто и не заметил. И вот, наконец-то, Гриша дочитал почти все, но увидел, что осталась одна страница, и обрадовался, что путешествие по мыслям любимой продолжают. Перевернув страницу, Гриша был ошеломлен. А вот что он, собственно, увидел – это был стих.

11.

Каждый в мире ищет счастья,
Каждый хочет радости, любви.
Каждый хочет денег, власти,
Ищут славы все, куда ни посмотри.

Каждый хочет, чтоб его не позабыли,
И потом, уж на конце пути

Каждый хочет, чтоб его почтили,
Чтобы помнили всегда, как ни крути.

Но, живя под солнцем тленным,
Человек сторает каждый день,
Ты забыл, что все мгновенно?
Я напомню – мне не лень.

Собираешь ты богатства,
Наслаждаешь плоть свою едой,
Ты сидишь у тела в рабстве,
Прогоняешь Святый Дух долой,

А Христос все вторит тихо:
Дух лишь вечен, но не плоть,
Только в Нем найдёшь ты выход,
Стоит лишь плотскую жажду побороть.

Но Иисус тебе поможет, веришь?
Сможет Он все мигом изменить,
Он все видит, будь уверен,
Приготовься лишь для Бога жить.

В конце стиха внизу стояла роспись девочки и надпись:
«Помни о том, что ты не один».

Гриша, конечно, очень радовался, но больше хотелось

услышать слов поддержки, чем стихи на такие темы. Гриша был еще далёк от покаяния, он не верил в Бога и считал, что люди проживают жизнь зря, когда служат всю жизнь Высшей силе. Но он искренне любил Элю и ради неё готов был слушать все, что она говорит или пишет. Он аккуратно засунул письмо в конверт, сложил его в три раза и засунул в левый карман кителя – там, где было его сердце. После этого Гриша провёл гигиенические процедуры и воссоединился во сне с единственной, которая его ждала.

В следующее воскресенье Эля также сидела на кухне и в ожидании письма грызла ногти на левой руке. Прозвенел долгожданный звонок, и Элечка снова превратилась в пулю: только можно было наблюдать, как светлые волосы вылетают в коридор. Девочка открыла дверь и увидела почтальона, он уже с улыбкой протянул ей коробочку.

«Вау, посылка!!!» – Эля взяла коробку в руки и принялась читать. На коробке было написано имя пастора ее церкви в Тамбове, хоть девочке и было приятно, но она заметно расстроилась:

«Это все?!» – вздохнула девочка, на что почтальон с грустью кивнул в ответ. Эля не получала писем всю последующую неделю, но сама она уже стандартно распланировала походы на почту раз в две недели, несмотря на то, что Гриша в месяц писал лишь по письму. Эля отправила ему следующее письмо с кратким стихом:

И сразу пусто стало без тебя...
И сразу улицы наполнились туманом,
И сразу потемнели все моря,
Свой блеск вдруг потеряли океаны...

И без тебя любая улочка не та...
И без тебя нет смысла мне там находиться,
Я помню глаз твоих безбрежные цвета,
Я помню, что заставило твоё сердечко биться...

Тоска и грусть вдруг переполнили меня,
Моя любовь всегда с тобою будет,
Ты знай, что каждый день я жду тебя,
Я рядом, знай, тебя я не забуду...

Биение сердца твоего всегда со мною,
Ведь я люблю тебя и любишь ты меня,
Я плачу в месте том, где мы вчера с тобою
Вдвоём рыдали, низко голову склоня...

Сейчас одна я, но ты рядом, верю,
Ты обнимаешь нежно и так искренне меня...

Прошу, ты только не закрой в своё сердечко двери,
Ведь я всегда, всегда дождусь тебя!

От этого стиха, сидя в окопе, Гриша выронил сигарету изо рта, и слеза покатила по пыльной щеке, будто оставив шрам. Парень в этот день бросил курить, хоть курил он и недолго. Сидя с парнями на лавочке, он часто вспоминал детдом и все приключения, которые происходили с ним в этот раз. Он рассказал им, как однажды довёл до слёз уборщицу Раису, добавив в ее ведро с водой для уборки раствор лука с марганцовкой. Говорил, что всегда хотел увидеть, как она плачет, потому что она доводила до слёз младшую группу детей. А по-другому и невозможно было ее проучить. Товарищам солдатам нравились Гришины истории и его чувство юмора. Еще он мог постоять за других так же, как и за себя, если видел несправедливость. За это его быстро зауважали не только солдаты, но и отцы – командиры. Так постепенно время летело. Летели и письма Элочки; когда Гриша отправил второе письмо, Эля прислала четвертое. Это было не из-за того, что Гриша не хотел писать Эле, а из-за того, что просто-напросто не успевал. Он писал каждый день, но получалось мало, и он решил отправлять раз в месяц, но большим конвертом. Когда следующее письмо Эли пришло, паренёк стоял в наряде, но прочитал сразу, как получил. Эти стихи Эли просто посадили Гришу на заднюю точку. Он был настолько рад, что от радости его сняли с наряда, потому что,

когда заходил командир роты, то вместо того, чтобы крикнуть: «Смирно!», пацан с тумбочки крикнул: «Я люблю тебя!» – и из-за этого происшествия Гриша попал на вторые сутки, а содержания письма было вот какое:

9.

Солдатик мой, моя защита,
Ты в сердце будешь навсегда.
Ты крепкий, сильный и сердитый
Бываешь даже иногда.

И защищаешь ты всесильно
От бед страну, терпя, любя.
Поэтому сейчас обильно
Хочу поздравить я тебя!

Моя опора ты и сила,
Я знаю, ты всегда со мной.
Нас так судьба соединила,
Не нужен мне никто другой!

Я буду ждать тебя, ты знаешь,
Когда дожди, ветра, метель...

Ты знай – меня не потеряешь
Даже в холодный, знойный день...

Я буду в уголке сердечка биться,
Так нежно, ласково, любя,
Хочу, чтоб знал ты, что всегда мне снится,
Что рядом мы, что жду тебя...

Вернёмся к Элочке. В то утро она смотрела на посылку и не могла оторвать глаз. Что мог прислать ей пастор? Что же там? Эля долго ходила взад-вперед, она все хотела открыть, да думала, что, может, ошибся, что сейчас позвонит и скажет, чтобы отправила назад. Но звонка не было, и Эля решилась. Она быстро отклеила скотч с двух сторон коробочки и приоткрыла крышку, с интересом подглядывая под неё. Наконец, Эля распахнула её и увидела небольшую Библию. Девочка точно подумала, что перепутала, и решила сама позвонить пастору. Шли длинные гудки:

– Алло, Эля?

– Да, Алексей Андреевич, я звоню спросить, как у вас дела? И вы случайно не отправляли мне Библию?

– Отправлял, Эль, да!

– Так у меня же есть!

– Да, конечно, ну вот так, я проснулся на той неделе и вдруг мне пришло в голову подарить тебе Библию, я без задних мыслей пошёл на почту, позвонил твоему отцу, взял ад-

рес и отправил.

– Спасибо вам!

«Странно», – подумала Эля.

– А ещё, Элечка, там на последней странице я для тебя написал небольшое послание.

– Спасибо, Алексей Андреевич, всех вам благ. Да пребудет с вами Бог! До свидания.

– С Богом, Элечка, доброго дня.

Эля была в недоумении, ей был непонятен поступок пастора. Она стала листать страницы, чтобы перейти на последнюю. Там было написано:

«Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна».

Эля ничего не поняла, но почерк пастора она уже где-то видела, только никак не могла вспомнить, где.

Глава 9.

Утро было дождливое, но у Эли было неплохое настроение для игры: она чувствовала, что сегодня особенный день и все будет по-другому, а то дедушка Карл стал беспокоиться, не обманула ли его внучка, когда отправляла записи с игрой, – может, это и не она вовсе. Элечка взяла в руки всю силу, а ее было немного, и открыла крышку рояля. Она присела на стул, поправила юбку, выпрямилась, пару раз моргнула и посмотрела в сторону сидящего в кресле деда, он читал газету. Дедушка Эли был уже не заинтересован игрой внучки, потому что в первые дни в Германии Элечка успела расстроить старика, так что сейчас он большего ожидал от статьи, чем от игры внучки. Но дедушка дал правильный совет девочке: чтобы все свои эмоции она вкладывала в игру. Эля запомнила это, а вот сам старик позабыл. Эля никогда не пользовалась нотами и играла по памяти, она взмахнула левой рукой так высоко, что соседи в окне увидели бы покусанные ногти. Плавно ударив пальцами по клавишам, Эля извлекла мелодию, она текла, словно ручей, слабый, еле-еле пробирающийся сквозь камни. Дедушка поднял глаза от статьи, но скорее всего от негодования, мол, я тут читаю, а ты играешь. Музыка начинала прибавлять ход, и мелодия наполняла душу эмоциями. Там, где было грустно, девочка вкладывала

свою печаль; там, где звучало удивление, девочка вспоминала, как Гриша ее поцеловал первый раз, и это удивление отражалось в музыке; там, где мелодия была веселая, Эля вкладывала воспоминания о том моменте, когда Гриша находился рядом. Нотка за ноткой наполнялась эмоциями, музыка разлилась по дому, как река. Дед Карл забыл про статью и слушал ту мелодию, что и отправляла девочка ранее. Дед был неверующим, а так бы сказал: «Слава Богу!»

Девочка играла с закрытыми глазами, представляя разные картинки.

Деду Карлу стало очень стыдно, что пару дней назад он говорил Эле осуждающие слова.

Вдруг Дед быстро зашевелился и достал из старого шкафа видеокамеру, быстро взял треногу и поставил на съёмку. Он выбежал из комнаты, а потом из дома было только слышно, как хлопнула входная дверь. Эля продолжала играть произведения за произведением, не открывая глаза. Ей уже не было важно мнение деда и прочее, она даже не заметила, как он вышел из комнаты. Сейчас мыслями Эля переживала те прекрасные одиннадцать дней жизни с Гришей: песня за песней, куплет за куплетом девочка играла около трёх часов, пока дед не вернулся с огромным плюшевым медведем в руках и не разбудил Элю от музыкального сна.

– Все, на сегодня хватит, – сказал дедушка на плохом русском и нежно погладил внучку по руке, останавливая.

Девочка не спеша открыла глаза и посмотрела на деда.

– Что-то не так? Я где-то ошиблась?

– Нет, милая, все хорошо, просто ты уже играешь три часа.

– Вау, три часа! А я думала, пару минут! – Девочка встала, и у нее закружилась голова.

– Ой, похоже, и правда три часа, – сказала Эля. Она увидела огромного медведя и восторженно сказала: – Это мне, дедушка?

– Да, Эля, тебе. Я понял, как мало дарил тебе подарков.

– Дедушка, спасибо тебе. Да и то что я тут – уже подарок. В Тамбове я бы сошла с ума.

Эля взяла медведя и пошла с ним в комнату. Дедушка Карл выключил съёмку и тоже пошёл в комнату, только к себе, – посмотреть, что там наиграла девочка. Он полночи сидел и настолько восхищался игрой, что не заметил, как на улице снова посветлело. Раз за разом он пересматривал видео, не найдя ни одной ошибки в произведении девочки. Эля же увидела в своей игре шанс быстрее мотать время вперед, приближая этим самым встречу с Гришей. В таком темпе прошли еще две недели. Элечка вставала рано утром и ложилась поздно вечером, она почти не кушала, постоянно находясь в музыкальном сне. Дедушка не мог следить за Элей, но, как и родители он просто был рад, что она играет, но не обращал внимания, что этой игрой она начала вредить себе. Одним днём девочке еле-еле удалось вспомнить, что пришло время отправлять очередное письмо. Она достала из тумбочки уже написанное письмо и пошла на почту. На улице было

так красиво, но Эля не замечала этой красоты. Дойдя до почты, девочка очень устала и присела на лавочку. Вдруг она будто очнулась, когда увидела своё отражение в стекле проехавшего мимо автобуса. «Как же я плохо выгляжу». – Девочка скорее захотела попасть домой. До нее наконец-то стало доходить, что она очень сильно помешалась на своей идее ускорить время. Эля кинула письмо в почтовый ящик и поспешила домой, прогоняя в голове распорядок дня.

«Как же долго я не молилась не читала Библию. Одна шиза наполнила меня».

Следующие дни Элечка все делала по расписанию: вставала, готовила полезный завтрак, потом сразу принимала душ, молилась, за молитвой читала Библию. Далее была лёгкая прогулка, а после два часа игры на рояле, потом снова прогулка и обед. После обеда она постоянно все делала по-разному: то отдыхала в комнате, то выходила на пробежку, то играла. Но те дни, когда Эля каждый день плакала, ушли. Да, она скучала по Грише, да, ей было тоскливо без него жить, но она научилась справляться.

А в этот момент в армии Гриша снова стоял в наряде. Когда ему пришла почта, командир в шутку сказал:

– Некрасов, давай я тебя сразу на вторые сутки оставлю.

На что Гриша ответил:

– На этот раз буду спокойным, я вам обещаю.

Гриша зашёл в каптёрку и волнительно приступил к открыванию письма: достав аккуратно листок, он развернул его

и принялся читать.

Там был описан каждый момент жизни без него, а дальше был последующий стих:

8.

Много слышим мы слов о великой любви.

Много книг, песен, мыслей, стихов...

Только все это тленно, куда не крути,

Лишь Христос знает, что есть любовь.

Он ее пережил, перенёс и готов

Рассказать, что же значит любовь,

Только мы почему-то не ищем основ

Для того, чтоб понять ее вновь.

Знаю, сложно бывает понять ее суть

Средь предательств и лжи, суеты,

И, бывает, порой ничего не вернуть,

И уже сожжены все мосты...

Я однажды узнала надежду одну,

Я познала спасенье одно –

Стоит сердце своё обратить ко Христу,

Чтобы было все, как суждено.

У Него лишь своё утешенье найдёшь,
У Него только радость и мир.
Когда сердцем своим ты Христа обретёшь,
То познаешь, что Он – твой Кумир.

Как ни странно, этот стих зацепил солдата прямо в сердце, как пуля, несмотря на то, что был написан на такую тему, о которой Гриша даже говорить не хотел. Понемногу в его голову стало приходить осознание того, что он может быть неправ насчёт своих убеждений. Из каптерки обратно в расположение вышел уже не тот человек, который туда заходил. В тот момент Бог уже начал работу над его сердцем.

В письме Эля не написала о том, что целые две недели она только и делала, что без перерыва играла на пианино, дабы не тревожить солдатика, который и без того тревожился.

В очередной такой день в армии Гриша, как обычно, защищал Родину мытьём полов. Конечно, Гриша никак не мог узнать о том, что Эле стало плохо, но на душе в тот день было у него очень тревожно, а ведь никто и не мог подумать, что в этот день девочка ляжет в больничную койку. Случилось это утром во время завтрака. Девочка вела беседу с дедушкой: расспрашивала его про бабушку, на что дед не дал конкретного ответа, а потом они вместе шутили и смеялись, после чего Эля, побледнев, как стекло, упала в обморок. Че-

рез минуту приехала скорая, а через десять девочка была в больнице, она ехала на каталке, время от времени приходя в сознание. Каталка мчалась по коридору, а девочка видела только мелькающий свет больничных ламп. Она не слышала криков врачей и не видела наполовину бледного, бегущего за нею старика. Каталка закончила свой путь, и девочку переложили на кровать, она почувствовала боль в своей руке. Элочке ввели капельницу и подключили аппарат искусственного дыхания, после этого девочка уснула. Напуганному деду Карлу дали успокоительное, и через пол часа он был в состоянии позвонить родителям. Он очень долго не мог сказать ни слова в ответ на то, что добрая по своей натуре мама Эли разрывалась и кричала в трубку телефона. Последнее слово, что он смог разобрать от неё: «Мы будем через три дня». Дед трясущимися руками положил мобильник в карман пиджака и присел возле кровати внучки. После чего, нажав на кнопку на пульте, вызвал врача, чтобы спросить, когда будут результаты анализов. Врач сказал, что на глаз видно, что это сердечная недостаточность, но пока точно он сказать не может, потому что результаты будут готовы только к утру. Как назло, сломалась аппаратура, добавил врач, выйдя из палаты. Старик Карл всю ночь просидел возле койки Эли, не сомкнув глаз. Утром девочка ненадолго пришла в себя. Успев только попросить дедушку, чтобы он принёс ей Библию, письма от Гриши и написанные ею стихи, они находились в столе, который стоял в комнате. Дед быстро за-

писал, что сказала девочка, но когда поднял глаза от записной книжки, она уже спала. В течении трёх часов дедушка вернулся обратно, предварительно отклонив все свои дела в музыкальном мире.

Когда он заходил в палату, девочка уже болтала с врачом. При виде деда Эля улыбнулась и спросила:

– Ты принёс, что я просила?

– Конечно, милая, принёс.

Старик Вебер стал доставать из сумки зубную пасту, шампунь. На что Эля сказала:

– Где то, что я просила, дедушка?

– Принес, принес! – сказал дед.

Он достал Библию и свёрток писем, там было два письма от Гриши и собрания стихов девочки. Девочка посмотрела на деда и сказала:

– Сейчас я буду писать письма, у меня тут еще шесть стихов, ты каждое письмо, если я вдруг буду не в состоянии, отправь, пожалуйста, с разрывом в две недели. Тут получится шесть писем, это значит... – Эля посмотрела на потолок, что-то считая в уме. – Еще три месяца каждые две недели относи по очерёдности их на почту, понятно? Без этих писем человек может пропасть!

– А то, что ты можешь пропасть, тебе ничего не говорит? – сказал дед.

Эля, немного помолчав, ответила:

– Я уже спасена, мне нечего бояться, а его надо спасать.

Я должна!

Дедушка ответил, что все сделает. После чего его отвёл на разговор врач. Доктор, не медля, сказал, что у девочки сердечная недостаточность в третьей стадии и что ей нужно новое сердце в течении полугода. На что старик Вебер просто упал на позади стоящий стул. К нему сразу подбежали медсёстры, но старик махнул рукой, ведь в его жизни это был не первый случай.

10. Глава

Было раннее утро третьего дня с момента трагедии. Эля не спала полночи, было трудно дышать, она боялась уснуть. С ней в больнице сидела мама, дремля на стуле возле кровати. Девочка думала о том, что надо ускорить отправку писем до одного письма в неделю, но Гриша ничего не должен знать.

«Так, напишу, что просто хочу больше писать ему. Точно, так и сделаю! Стоп, а что будет, когда через шесть недель письма перестанут приходить, а я, не дай Бог, буду не в состоянии написать новые? Что же делать?» – Эля мучительно смотрела в потолок и не знала, какое принять окончательное решение. Но ее раздумья прервал открывший дверь в палату отец, сходу сказавший:

– Элечка, у меня для тебя сюрприз! Хочешь угадать?

– Да, конечно, – с энтузиазмом кивнула девочка. – Я думаю, ты принёс мне сборник моих любимых кинодрам!

– Нет, милая, лучше! Угадай, кто тут у нас за дверью?!

На момент больное сердечко Эли приостановилось, и девочка побледнела, она думала, это Гриша, и её голос пропал.

Но в палату зашёл не менее значимый человек в ее жизни – пастор Алексей Андреевич.

Он тихо осветил грустной улыбкой все помещение, сказав:

– Привет, дорогая, ну как ты?

Элечка, еще находясь в небольшом шоке, ответила:

– Грех жаловаться, Алексей Андреевич.

Повернувшись к папе, Эля спросила:

– Папа, а кто еще должен приехать, скажи, пожалуйста, сразу, чтобы при следующем сюрпризе я не умерла раньше, чем надо!

– Прости, дочка, понимаю, что ты почувствовала, но мы еще смогли уговорить маму Насти Емельяновой, чтобы та ее отпустила. Так что она прилетит через пару дней, как оформит визу.

– Спасибо, пап!

– Конечно, девочка моя, что угодно!

– А можешь, пап, позвать деда на минутку?

– Конечно, без проблем, сейчас позову, он должен быть у дежурного врача в кабинете.

Отец поспешил за дедом, а мама всё ещё дремала на стуле возле кровати, ведь она так сильно устала, потому что, выйдя с самолёта, пошла сразу к дочке и просидела у неё всю ночь, принося то воды, то вызывая медсестру, когда дыхание девочки ухудшалось. Сама же девочка немного поговорила с пастором, поблагодарила за Библию и за то, что он приехал, рассказала, как сильно переживает за Гришу и за то, что больше его не увидит. Алексей Андреевич немного пустил слёз и сказал, что только молитва поможет Эле в решении её земных проблем. И главное – ни за что в жизни не переста-

вать верить. Но девочка ответила, что главное для нее, чтобы поверил Гриша.

Тут в палату зашли доктор, дед и отец. Доктор попросил всех родных пройти к нему в кабинет. Дедушка разбудил маму Элочки, а пастор заботливо взял ее за руку и сказал: «Пойдёмте, у доктора есть к нам разговор».

Все вышли, кроме деда, и Эля сказала ему:

– Дедушка, прошу тебя, отправляй в неделю по письму.

– Как пожелаешь, милая.

Старик подошёл к внучке и нежно поцеловал ее в лоб.

– Какой ты колючий дед!

На что старик улыбнулся и сказал: «Мы скоро вернёмся, милая».

Все стояли возле огромного дубового стола: дед, отец, мама, пастор, сестра, брат, не хватало только подруги. Врач начал объяснять, что ситуация ухудшается, дыхание прерывается и в девочку вливают очень много вредных препаратов, начинаются осложнения и что такими темпами сокращается срок функциональности ее организма с полугода до трёх месяцев. Врач говорил, что ей нужен донор и срочно, на что семья сказала: Хорошо, мы готовы, пускай ищут донора, сделайте операцию».

Врач предложил три донорских сердца, которые подходят по группе крови, он сказал, что девочке очень повезло, ведь обычно это редкость, обычно и одного не найдёшь, а тут сразу три. Алексей Андреевич предложил, чтобы привезли из

армии мальчика, ведь для Эли это большая надежда, но его слова положили в дальний ящик.

Время шло, прошла неделя. Дедушка отправил письма, но оттого, что слишком был занят решением проблем внучки, доверился отделению почты и сказал, чтобы раз в неделю сами отправляли письма мальчику. Естественно, работники согласились, но из-за перегрузок на почте решили не заморачиваться и отправили все шесть писем сразу. Время шло, а сердечки не подходили одно за другим, девочка старела на глазах, уходил из глаз блеск, а из души уходила вера. Все было взаимосвязано. Когда прошла еще неделя и последнее сердце оказалось неподходящим для трансплантации Элечке, семейство Вебер потеряло веру в выздоровление девочки, все упорно молились, только старик постоянно на всех негодовал и ворчал:

– Лучше бы полезными делами занялись!

Он проклинал небо в тот момент, когда плоть и кровь Эли молили Бога с больничной койки о том, чтобы её любовь преодолела все и спасла мальчишку, который так далеко от неё. Прошла еще неделя, когда все семья опустила руки, а дух смирения пришёл в их души. Все понимали, что остаётся только довольствоваться тем временем, которое у них осталось. Сестричка девочки жалела, что так мало помогала Элечке по дому, что почти всю работу за неё делал этот больной человек; братишка жалел, что так мало времени провёл с любимой сестрой, но вспоминал поездки по празд-

никам и постоянно говорил о том, как любил пение Элочки. Мама просто плакала, старея вместе с дочерью; папа жалел остальных, потому что не мог смириться с неотвратимостью происходящего. Старика одолевало двоякое чувство, что он теряет все, что любит, и что из его жизни уходит, возможно, самый талантливый человек, который был в музыкальной карьере. Даже лучшая подруга Эли стояла и жалела, что не так часто приезжала в гости, она с тоской в душе вспоминала старые истории из совместно проведённого времени. Пастор постоянно молился, и только Бог знал, что за раздумья посещали его святую голову.

В армии Гриша чуть не попал на губу, когда узнал, что принадлежащие ему письма лежат в штабе полка и штатный почтальон их читает, а узнал он это от писаря его роты, когда тот ходил на почту забрать военную газету для информационной доски. Гриша долго бегал за почтальоном вокруг деревянного стола, после чего разбил три вазы, забрал письма и в течении часа уже сидел у замполита своей роты. Там на него долго орали и угрожали губой и вступлением в наряд вне очереди, на что Гриша просто вышел из кабинета замполита хлопнув дверью. Когда Гриша более-менее пришёл в себя, он удивился, что перед ним сразу шесть писем: три распечатанных, а три работничек почты, похоже, не успел прочитать. Гриша собрался с духом и опять пошёл к замполиту, объяснив ситуацию и пояснив, что, мол, почтальон неправильно поступает, тем самым убедив замполита отменить на-

ряды. Вечером у пацана наконец-то предстала возможность прочитать одно письмо. Перед тем, как прочитать, он заново заклеил все открытые конверты, чтобы почувствовать присутствие девочки.

Правда, он до сих пор не мог понять, почему писем так много. Открыв самое потрёпанное из них, Гриша снова почувствовал Элю и принялся читать – это был еще один красивый стих, который заставил больше задуматься мальчика о своём поведении. Элочка писала ему, что очень скучает и верит, что вскоре они встретятся. Писала, что не забыла и волнуется. Дочитав письмо до конца, Гриша решил вслух прочитать стих:

7.

Если в жизни потерял ты смысл
И надежде вдруг пришёл конец,
Я прошу тебя, не падай духом даже в мыслях,
Помни – уготовлен в небесах тебе венец!

Если ты отчаялся в бессилии,
Если ты споткнулся на пути –
Помни – Бог тебе прибавит силы,
Главное к Нему скорее обратись...

Он врачует сокрушённых сердцем,
Знает Он малейший вздох,
И Его любви достаточно, чтоб нам согреться,
Ты приди к Нему, если устал и изнемог...

Та любовь, что на Кресте – Нас излечила
И она надежду нам дала,
От Христа любви поднимем крылья –
Ведь она спасенье людям принесла!

Гриша как всегда сидел в полном блаженстве и хотел прочитать еще письмо, но почему-то остановил себя. Хотя желание было бешеное, но почему-то он думал, что еще не время. В Германии стояли тёплые летние деньки – середина июля. Девочка от духоты сходила с ума, да и не только она. Вся семейка Вебер не очень хорошо переносила такую погоду. На горизонте снова мелькнула удача и новое сердце поступило в больницу. Врач сказал, что, возможно, это подойдет. Вся семья снова была на позитиве, и если бы не жара, они, скорее всего, бегали бы по больнице, как в казино, радуясь новому шансу. А Эля очень радовалась, что скоро придет еще один ее близкий человек. Евгений Брониславович уже ехал на всех парах в больницу из аэропорта. Эля завела разговор о том, что как бы хотелось увидеть всех родных, но некоторых не хватало. Девочка очень долго рассказывала про бездом-

ного Николая, говорила, что очень хотела бы, чтобы он прилетел. Эля не забыла сказать и про Гришу, потому что уже не могла сдерживаться – очень сильно она хотела его увидеть. Но семья не скрывала от девочки того факта, что вряд ли такое получится, потому что у Николая, скорее всего, нет заграничного паспорта, да у него и простого-то, наверное, нет; а Гриша в армии и, чтобы его привести, нужно нарушить закон – на что никто из них не подписывается. Элечке не нравилось слушать все эти отговорки, но она соглашалась с тем, что для ее родителей невозможно осуществить такие махинации. Эля даже рассказала историю о том, как Гриша спас бомжа Николая и перелил ему свою кровь. Время шло, приехал Евгений Брониславович, а сердце вновь не подошло, и семья Эли задумались о скором конце. У них был серьёзный разговор на тему, что делать дальше, но никаких значимых решений не находилось. Дед решил всем рассказать, что его жена умерла абсолютно от такой же болезни, которая и сейчас убивает Элю, на что отец просто вышел из палаты, а дед опустил голову вниз. Атмосфера стояла накалённая, но вдруг пастор сказал вслух:

– Вы как хотите, но мне надо уехать на пару-тройку дней.

Вернувшись к девочке, он сказал:

– Ты только меня дождись, понятно?

– Как скажете, Алексей Андреевич!

Пастор удалился, непонятно зачем взяв под руки деда. С предложением, мол, нужна ваша помощь. Девочка очень забав-

лялась, смотря на эту картину. Ей даже удалось тихо рассмеяться.

А Гриша тем временем читал следующее письмо от девочки. Он плакал и улыбался, сидя на дряхлом дубовом пне где-то в лесах Калининграда. Эля писала так складно, разборчиво, грамотно, что мальчик не мог налюбоваться. Он смотрел и думал, как теперь Эле тяжело читать его письма. Но знаете, хоть писал он и неграмотно, но Эле нравилось, и когда на прошлой неделе от него пришло письмо, она снова зацвела, хоть и ненадолго. А вот Гриша не переставал светиться, когда читал письма Эли, вот и в этом был красивый стих:

6.

Как драгоценна человеческая жизнь...

Порой нам кажется, что жизнь земная бесконечна,

Не замечаем мы порой ее подвохов и кривизн,

Мы думаем, что быть нам здесь положено на вечность.

Мы не спешим ценить тот каждый миг,

Что нам Господь дарует безвозмездно.

А грех в своих пределах так велик,

Что кажется – бороться с ним уж бесполезно.

И знаю, пользы нет ни в чем,
Что не содержит правильного смысла,
А смысл в Боге, и он заключается лишь в том,
Что Божья благодать над пропастью греха повисла.

И может, ищешь смысл ты не там,
И может, кажется, что жизнь – лишь суета, лишь ветер...
Но знаю я распятого Христа,
Я знаю, что за каждый грех твой Он ответил.

Ты думаешь, что смысла в жизни нет?
Ты думаешь, что поиски его не нужны?
Но лишь Господь направит Свой чудесный свет,
Лишь Он поможет осознать, что ты грехом простужен.

Но Лекарь есть и есть надежда,
Есть в мире и любовь, спасенье есть!
Поверь в Христа – и Он Свои наденет на тебя одежды,
Он сделает тебя Своим дитём, а быть дитём Его – большая
честь!

После прочтения этого стиха Грише захотелось больше жить для того, чтобы помогать людям и всю следующую неделю он помогал сослуживцам во всем, о чем бы его ни попросили. За одного парня перевалил дрова в палатку, другому помог решить проблемы с документами. Одному помог

советом, другому дал из накопленных сбережений. Гриша понимал, что, была бы рядом Эля, все это он бы делал гораздо лучше и с БОЛЬШИМ рвением. А Эля сидела на кровати, когда ей сказали, что пастор улетел в Москву, а зачем, никто не знает. Эля расстроилась, но чувствовала, что она его ещё увидит.

После очередной бессонной ночи девочка сидела и плакала; она всю ночь думала о том, что больше никогда не увидит Гришу.

«Как же так, я же обещала дождаться его, и что получается, нарушу слово?» – Эля долго молилась за то, чтобы Бог просто дал дожить ей до дня, когда она снова увидит Гришу. Девочка уже потеряла надежду на выздоровление, также как и ее близкие. Она поняла, что на всё воля Господа, и что если Он заберет её жизнь – значит, это Его великий план. И остаётся молиться за единственное дорогое, что у нее осталось – это о встрече со своей любовью. В письмах почему-то Гриша не спросил, почему Эля отправила ему сразу так много, а теперь и не пишет вовсе.

Было время обеда в армии, когда Гриша читал очередное письмо от любимой и ему сказали, что ждут его на КПП. Он ответил:

– Сейчас, только стих дочитаю.

Мальчик читал каждую строчку снова и снова, но не мог сосредоточиться – ему казалось, что что-то случилось. Но, собравшись с мыслями, он прочитал, а строки были таковы:

5.

Я научусь любить, когда отвергну сам себя,
Я научусь любить, когда последую Христа примеру,
Я научусь любить, когда поверю, что Христос, скорбя,
Страдал там на кресте, открыв спасенья двери.

Мне тяжело порой любить,
Мне тяжело порой смиряться,
Но я стремлюсь на Иисуса походить,
Стремлюсь как Он любить и пред Отцом склоняться.

Ты знаешь, может, и любовь утратила свой смысл
В том мире, где все тленно, все греховно;
И может, твой порок огромным полотном навис –
Он не даёт увидеть то, на что любовь Христа способна.

Мне не понять и мне не пережить
Мучения Христа, Его страданья,
Но Он там, на кресте, однажды научил меня любить,
Он показал пример любви, Он показал пример для подражанья.

И не хочу теперь забыть

Ту милость и любовь, что Божий Сын явил однажды.
Я лишь хочу по-настоящему любить,
Хочу Христа отныне жаждать!

Христос страдал за каждый мира грех,
Он истязуем был, изранен, был наказан,
Ведь Он хотел спасти от боли всех,
И путь Его давно уж был предсказан...

Пойми, что смысл жизни заключается не в том,
Чтобы иметь богатство, славу и признание,
А в том, что грех однажды побежден Христом,
В Его любви, в Его страдании...

От этих строк на щеках мальчика, как и всегда, были слезы, восторг и благодать. Когда он разобрался в строках и смог собраться и прочитать стихи, ему стало легче и показалось на момент, что все будет хорошо.

Глава 11.

Открылись ворота контрольно-пропускного пункта. Только скрип старых петель достиг Гришиных ушей, как перед ним предстал Алексей Андреевич.

– А вы тут откуда? – с огромным удивлением сказал солдат.

– Прямоком из Москвы, – дружелюбно сказал пастор.

– Так, я ничего не понимаю, объясните, почему вы тут?

– Собирай вещи, объясню по дороге, – поглядев на часы, торопя Гришу, сказал пастор.

Мальчишка ответил, что все, что ему нужно – у него с собой, и пастор посадил бойца в такси. По дороге проповедник рассказал Грише о том, что прилетел с Москвы, там по старой военной дружбе ему удалось выбить парнишке отпуск и что сейчас он полетит к своей Элочке. На что мальчик просто молчал; он не мог поверить, что с ним это происходит, и решил, что должен прочитать все письма Эли до их долгожданной встречи. Пастор не стал рассказывать парнишке о том, что Эля на больничной койке – у него просто не было сил на это. Они почти приехали в Аэропорт Храброво, когда мальчик открыл очередное письмо – там, как всегда, был потрясающий стих и более потрясающие пожелания.

4.

Боже, научи меня любить!
Научи любить Твоей любовью дивной,
Чтобы в жизни этой лишь добро творить,
Что грех отныне стал противен!

Боже, научи меня прощать,
Чтобы образ Твой во мне всегда был светом,
Чтобы мог я больше понимать,
Что явил любовь Ты в мире этом...

Боже, научи меня ценить
Тех людей, что рядом окружают,
Научи меня сильнее светить,
И тогда они Тебя познают!

Как короток нашей жизни путь,
Каждый сам его отныне выбирает...
Главное – понять простую суть:
Счастлив тот, кто в Боге пребывает!

Мальчик был настолько потрясён случившимся с ним событием, что его чуть не забыли в такси.

– Гриша, пойдём быстрее. – Пастор открыл солдату дверь

и помог Грише прийти в себя старым дедовским способом – он пошлепал ему по щекам, после чего переспросил:

– Ты нормально?

– Да, Алексей Андреевич, все хорошо, спасибо, что помогли мне прийти в себя, да ещё и таким интересным способом! – разозлено сказал Гриша и после этого шепотом добавил: – Пастор еще называется.

– Что ты сказал, парень?

– Да не, ничего! – с улыбкой отговорился Гриша.

Они подошли к терминалу и узнали, что их ближайший вылет только ночью, так что в Германии они будут к утру. После чего пастор сразу перешёл в режим ожидания и уснул в кресле, а солдат принялся за свои письма. Гриша был очень взволнован предстоящей встречей с Элечкой и, возможно, ожидал, что она стала очень известной и он летит к ней на концерт. А с другой стороны он понимал, что концерт не настолько серьёзная вещь, чтобы пастор решил задействовать свои связи ради еле знакомого пацана, но очередной прочитанный стих убрал лишние думы Гриши:

3.

Господь, пути Твои неисследимы,
Но мудрости они всегда полны,
Порой случается не как хотим мы,

Но знаю, хочешь лишь как лучше Ты.

И я всецело доверяю
Всю жизнь Свою только Тебе.
Я знаю, что Ты без конца и края,
Ты чудный Бог, любви удел!

Пути Твои всегда так непонятны
И, кажется, я лучше знаю, как идти,
Но понимаю, без Тебя я вряд ли
Смогу дорогу в Небеса найти...

Хочу тебе теперь доверить
Все то, что в жизни есть моей.
Я знаю, что должна поверить,
Что ты в любви хранишь Своей.

Ты не обманешь, не наскучишь
Не человек Ты, чтоб предать.
Я знаю, Ты всегда со мною будешь,
Хочу всю жизнь свою Тебе отдать...

Я знаю много слов красивых,
И много я могу ещё писать
О том, как Ты хранишь детей Своих любимых,
Но все это словами мне не передать...

Ведь смысл кроется не там, где слово,
Не там, где красочность речей,
А там, где глубина души, где снова
Ты слезы утирал с моих очей...

– Это прекрасно, – вслух сказал Гриша.

Очередной прочитанный стих принес ему незабываемые ощущения и теплое чувство, что он нужен кому-то.

До самолёта оставалось еще приличное количество времени, и у Гриши осталось ещё одно письмо в руках. «Последнее, – подумал парень. – Прочитаю, как прилечу, а пока просто посижу и порадуюсь, что такие обстоятельства случаются в моей жизни».

Гриша закрыл глаза и представил, как будет сидеть на концерте у своей любимой, как будет хлопать ей, восхищаться талантом девочки, её потрясающей игрой, восхищаться тем, что наконец-то увидит ее. Как прижмёт Элечку к себе, заглянет в глаза и увидит то, что ему так давно не хватало – её чистую душу. Думая и мечтая, парень не заметил, как уснул, а разбудил его надоедливый голос пастора:

– Вставай, боец, пора.

Гриша лениво открыл один глаз и посмотрел на проповедника:

– Сейчас встану! Разорался тут.

Гриша не понимал, почему его так раздражает каждое

слово из уст этого святого человека, так что он просто молча встал и пошёл к выходу на посадку. Ребята заняли свои места. Когда Гриша увидел, что пастор сидит рядом с ним, он сразу стал просить людей, чтобы они смогли поменяться с ним местами, на что одна пожилая барышня почти согласилась, но стюардесса пресекла эту инициативу под предлогом, что меняться местами в их авиакомпании не предусмотрено. Гриша расстроено сел обратно, повернув голову на пастора. Он не мог не увидеть сногсшибательную улыбку Алексея Андреевича. На что с недовольным лицом и чмокая губами отвернулся к иллюминатору.

Ранним утром их борт осуществил посадку в Германии – стране сосисок.

Гриша волнительно вышел из самолёта. И спросил у пастора:

– Куда дальше?

На что пастор сказал, что нужно переодеть мальчишку.

Гриша ответил, что у него нет денег на одежду, а пастор сказал, что не стал бы об этом даже говорить, если бы не собирался купить ему одежду в качестве подарка. Гриша сказал, что ему не нужно церковных пожертвований, на что пастор ответил, что Эля была бы рада увидеть его в чём-то нормальном. Они долго спорили, и в итоге Гриша остался в военной форме, после чего пастор поймал такси. Гриша решил спросить, куда теперь они направляются, но собеседник уже воткнул в уши наушники и не слышал Гришу. Алексей Ан-

дреевич в мобильном приложении выбрал маршрут до больницы, и такси тронулось, а мальчик решил дочитать последнее письмо.

2.

Не жалуйся, когда ты болен.
Не жалуйся, прошу тебя.
Ведь ты не знаешь Божьей воли –
А Он заботится и действует, любя.

Понимаю, трудно жить, когда все тленно,
Трудно бремя нам нести.
Но не жалуйся, ведь все мгновенно,
Скоро мы закончим эту часть пути.

Ты не беспокойся, Бог тебя утешит,
Он Своей любовью укрепит,
Твои слёзы Он утрёт поспешно,
И тогда поймёшь, что значит с Богом жить.

С Богом все спокойно и надёжно,
С Ним – хоть в бурю, хоть в грозу,
Даже невозможное возможно,

Ты пойми, и Он утрёт твою слезу...

Мальчишка как всегда ушёл в мечты и не заметил, как они приехали, а пастор чуть ли опять не забыл его в машине. Когда ребята вышли, Гриша не понимал, зачем они приехали к зданию, похожему на больницу, но парень был не глупый, и его стали посещать мысли о том, что с Элей что-то случилось. Зайдя в больницу, парень осмелился спросить:

– Что мы тут делаем? С Элей что-то произошло? – Голос Гриши дрожал.

Но пастор просто шёл по коридору вперед и не мог ничего ответить. В тот самый момент Гриша понял, что с его девочкой что-то не так.

Они почти подошли к кабинету, когда Алексей Андреевич остановился и попросил Гришу, чтобы тот, несмотря ни на что, не срывался и не выходил за рамки приличий, а держал эмоции в узде. Проповедник открыл перед мальчиком дверь, парень зашёл в палату, в этот момент глаза Эли наполнились надеждой.

12 Глава...

Было необыкновенно наблюдать со стороны эту парочку. Гришина душа светилась, а Эля не могла сдержать ливня слёз. Мальчишка молча подбежал к кровати, а девочка даже попыталась встать, но ее сил хватило только на то, чтобы приподняться. Гриша обнял Элечку со всей своей нежностью, а подбородок Эли лежал на плече её любимого солдата, и она еле слышно произнесла: «Спасибо». Пару минут она просто лежала на его плече, потом сказала, что любит его. Гриша молчал, а все, кто находились в комнате, – плакали, смотря на этих молодых людей.

Мальчик вдруг приподнялся и аккуратно положил голову Эли на подушку. Гриша был так рад, что увидел свою любовь, что еще не мог понять, что она больна. Он посмотрел на худенькое лицо девочки и тихо произнес:

– Что с тобою, милая? – А потом с небольшим перерывом повторил: – Это серьёзно?

Глаза девочки не успели просохнуть, как опять наполнились слезами, и она так же тихо, пытаясь улыбнуться, сказала:

– Теперь, когда ты рядом – ничего кроме нас несерьёзно.

Глаза мальчишка наполнились слезами, и он потянулся поцеловать свою красавицу. Когда вошёл врач и сказал, что де-

вочке срочно нужно переливание крови, а в больнице нет ее группы, мальчик сразу предложил свою, но Эля отказалась. Тогда пастор Алексей Андреевич предложил свою персону, так как у него тоже была эта группа крови. Эля не имела возражений. Элечка с Гришей еще часа два просто сидели и болтали как ни в чём не бывало. После чего Гриша все же спросил у старших: «Что нужно, чтобы его Любовь жила?» Эля ответила, чтобы он просто верил, а её дедушка на плохом русском сказал, что нужно новое сердце. Печаль мальчика можно было почувствовать за тысячи километров, его сердце обливалось кровью, когда он смотрел на девочку. Эля сказала, чтобы Гриша не смел отчаиваться, потому что ей смертельно больно смотреть на него такого. Гриша задумчиво улыбнулся и встал, вежливо попросил прощения за то, что ему нужно удалиться, и поцеловал девочку в щёку, сказав на ушко, что скоро вернётся, и позвал за собой обескровленного бедного пастора.

О чем они говорили, только Бог знает. После разговора с пастором Гриша позвал из палаты и деда. В течении десяти минут эта святая троица отправлялась в кабинет к врачу. Они долго разговаривали, то и дело в кабинет забежали медсёстры и разные врачи, после чего они пришли к общему решению и из кабинета вышли трое с улыбками на лице. Гриша поспешил к Элечке. Зайдя в палату, он увидел, как разговаривая с мамой, девочка смеётся. Мальчик не мог налюбоваться. Ему хотелось, чтобы Элечка смеялась вечно, что-

бы никогда не заканчивался этот льющийся из её уст непрерывный поток смеха.

– Элочка, милая, – прервав их разговор, сказал Гриша.

– Можно нам с Элей побыть вдвоём? – вежливо обратился Гриша ко всем обитателям палаты. Никто из семьи не был против, и все вышли.

Гриша сказал, что у них есть час до операции.

– Какой операции, Гриша?

– Девочка моя, мы нашли тебе новое сердце.

– Правда? А кто донор?

– Да там какой-то бездомный парень.

– Как бездомный?

– Это уже неважно, заечка моя. Просто радуйся, что это сердце подходит тебе на девяносто девять процентов.

Девочка улыбалась из последних сил:

– Теперь мы навсегда будем вместе? – спросила Эля.

– Да, любовь моя, навсегда.

Пара голубков ещё целый час проговорили, прежде чем зашёл врач и сказал, что Грише пора идти. Элю будут готовить к операции. Перед тем, как Гриша вышел, Эля спросила:

– Ты будешь меня ждать? На что парень ответил:

– Я всю жизнь тебя ждал и еще подожду!

Дверь в палату закрылась. Врач ввёл в капельницу наркоз и Элочка постепенно погрузилась в мир снов.

Вся операция длилась двенадцать часов. Девочка отходи-

ла от наркоза. Она только размыто видела, как доктора бегают перед ней и слышала обрывки фраз что-то насчёт чуда.

Когда девочка пришла в себя, то увидела, что в ее палате стоит еще одна больничная койка, но у нее не было сил поднять голову и посмотреть, кто там рядом с ней. Эля уснула, но ее сон постоянно прерывали доктора. Кто-то лежачий рядом с нею постоянно скулил от боли. Эле помогало только то, что ее затуманенному мозгу было сложно разобрать, что там говорят. Она открыла глаза и не увидела света, потому что ее свет лежал рядом на соседней койке. Сколько нервов она потеряла за этот час, сколько объяснений выслушала от родителей! «Он так захотел, – говорили они, – он пожертвовал жизнью, чтобы ты жила». Она не хотела верить, не хотела думать, что его больше не будет с ней, ее глаза за последнее время сухими не оставались даже под наркозом. Она почувствовала смерть настолько глубоко, что обхитрила ее. Но сегодня Бог заберет того, ради которого стоило жить, ее мальчика, ее Гришу. Можно вечно описывать ее первые чувства, когда она проснулась и поняла, что ради неё человек отдал свою жизнь. Более-менее придя в себя, она сочинила последний свой стих, прощальный стих, но она все ещё неумолимо ждала, молилась и верила, что чудо произойдет.

И вот чудо произошло – Гриша приоткрыл глаза и еле слышно произнёс:

– Как ты, любовь моя?

Эля взяла его руку и спросила:

– Зачем ты так сделал?

Гриша, недолго думая и смотря в потолок, сказал:

– Открой Библию, пожалуйста, и прочитай эти слова – ты мне как-то их сказала: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Вот и я понял, что моё сокровище – это ты, девочка моя, и мое сердце я отдал своему сокровищу.

– Я же не просила воспринимать так буквально, – не сдерживая слез, сказала Эля.

– Видишь, я навсегда с тобой, малыш, – тихие слова словно упали из его полумертвых губ.

Словами невозможно передать чувства, что испытывала сейчас эта девочка.

– Гришенька, радость моя, послушай. Ты появился в моей жизни словно чудо – это правда. Первый день ты сначала спас меня, потом поцеловал. Я злилась, но не так, как обычно, а как-то без злобы. Я не сожалела о поцелуе ни капли, поверь мне, милый. – Девочка очень сильно плакала, но продолжала говорить: – Во второй день ты изменил мою реальность – я всю ночь писала стихи, чтобы ты понимал, до этого я их не писала. В третий день я влюбилась в тебя навсегда и безвозвратно, а с четвёртого по девятый день нашего знакомства – лучшие дни и моменты в моей жизни, и таких больше не будет... В десятый день ты сказал, что уходишь в армию и что любишь меня больше жизни. В одиннадцатый день мы попрощались с тобою и я пообещала ждать тебя всю свою жизнь, а в двенадцатый день ты отдал мне своё сердце

и... я не могу в это поверить. – Слезы девочки капали на бледную руку мальчика, но Гриша уже не чувствовал своих конечностей.

Все, что он мог сказать, – это то, что любит ее и: «Девочка моя, я закрываю глаза и представляю то поле, на котором мы с тобой были в последний день перед тем, как я покинул тебя... Я вспомнил – оно мне снилось, оно мне снилось! Ты стояла там и звала меня, а я стоял между двух миров: один мир – это ты в райском поле, а другой – моя детская мечта стать писателем, и знаешь, я рад, что тогда выбрал тебя...»

– Сегодня я умру, но останусь с тобой в том поле и буду знать, что я сделал правильный выбор.

Гришины слезы покрыли все его лицо, а Эля нежно и очень быстро смахивала их на подушку.

– Но знаешь, моя Любовь, мне больше не страшно – я поверил в Бога. Только он мог дать такую Любовь.

Его слова прервала тишина и... Гриша закрыл глаза...

– Нет! Мальчик мой! Не уходи! Прошу! – Девочка прижалась к лицу Гриши. Гриша тихо-тихо ответил:

– Я пока тут, милая.

– Я сочинила тебе сюрприз, послушай...

Гриша улыбнулся:

– Я обожаю твои стихи.

Эля начала читать:

А настоящая любовь в безмолвии,
В молчании, в смирении, в добре.
Она, как поле – ароматами наполнена;
Она, как маленький поток в бурлящем ручейке...

Её не слышно и не видно – в кротости
Она заботится не о себе, а о другом,
Она как скромненький цветочек миловидна.
Совсем не знает дружбы со грехом.

Любовь положит душу за других.
Её порой не описать словами,
Она готова жертвовать собой, пример явив
Для каждого из нас, для тех, кто рядом с нами.

Он так любил, что отвергал Себя,
Он так любил, что Богу был послушен,
Он так любил, что на Кресте однажды спас тебя,
Он любит и сейчас, Он и сейчас к тебе неравнодушен.

Однажды был на Свете мальчик-сирота,
Он никогда не знал родительской любви,
Но вдруг однажды встретил Он Христа
И Тот ему Своей любви пример явил.

Жила на Свете и принцессушка одна,

Любовь вокруг она всецело получала.
И вот однажды, встретив сироту, она
Об обездоленных теперь узнала.

Она лицеприятной не была,
Ведь для неё важнее было то, что не снаружи,
А что внутри, что там, где сердца глубина,
Где кроется душа, где каждый, может быть, простужен.

Однажды, встретив эту сироту,
Принцесса поняла, что он нуждается в любви,
А мальчик полюбил свою мечту,
Ведь он мечтал о том, чтоб кто-нибудь ему свою любовь
явил.

Они любили, искренне любили,
Любили и, казалось, навсегда,
Но вот однажды девочка все потеряла силы,
А паренёк был в срочной армии тогда.

Не зная о той болезни, сирота
Все ждал письма от маленькой принцессы,
А писем не было, но новость мальчику пришла,
Что девочка в больнице – много получила стресса.

Её сердечко скоро остановится, к несчастью.

И нет ей донора, чтоб сердце заменить,
Но парень был готов отдать своё, и, к счастью,
То сердце подошло – теперь принцесса будет жить!

Но только вот уж не спасти парнишку,
Он жертвовал собой, все потому что полюбил,
Он полюбил и был готов отдать всю душу, лишь бы
Его любимый человек на этом Свете жил.

Такой любви лишь единицы,
Такой любви ты не увидишь и в кино.
Любви такой способны те лишь лица,
Кто принял Божью жертву на кресте давно.

Любовь не ищет своего и не гордится,
Не мыслит зла, все переносит, верит.
Любви способны в этом мире единицы.
Она через Христа открыла нам Своей надежды двери.

Любовь и милосердствует и долготерпит,
Ей незнакома зависть, зло, бесчинство.
Она не превозносится, не раздражается и верит,
Что в мире этом есть любовь – любовь без зла, корысти.

Все покрывает и всего надеется,
Всегда прощает, верит и живёт всегда.

И даже если в мире этом солнце погаснет,
Любовь не перестанет никогда!

После прочтения стиха Эля увидела, что Гриша уже не дышит, а через некоторое время аппарат замигал. Забежал врач и сказал, что парень мертв. Эля заплакала, но мысль о том, что Гриша уверовал в Бога, облегчала её страдания. После этого зашёл Алексей Андреевич и сел рядом с мертвым мальчиком. Пастор сказал, что не успев обрести сына, он потерял его, зато он показал пример всему человечеству, пример настоящей любви, а пастор наконец узнал, кто он. Эля сказала ему, что у Гриши было две мечты, и одна из них – увидеть родителей, и она сбылась. После этого много людей поверило в чудо, а Эля стала известным музыкантом, но стихов после смерти мальчика она больше не писала. Гришу похоронили в городе Тамбове на его родной земле, и с ним ушли те двенадцать стихов любви от его единственного чуда. Пастор начал новую жизнь под фамилией Некрасов. А все семейство Вебер никогда не забудет, какое чудо подарил им Бог.